

фантастическая
история

Александр Башибузук

Страна Арманъяк.
Дракон
Золотого Руна

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Фантастическая История

Александр Башибузук

**Страна Арманьяк.
Дракон Золотого Руна**

«АЛЬФА-КНИГА»

2015

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Башибузук А.

Страна Арманьяк. Дракон Золотого Руна / А. Башибузук —
«АЛЬФА-КНИГА», 2015 — (Фантастическая История)

ISBN 978-5-9922-2150-3

В Европе бушует война, великий герцог Бургундии Карл Смелый сошелся в смертельной схватке со швейцарской конфедерацией, которую поддерживают многие европейские государства. Командир роты лейб-гвардии Карла Смелого барон ван Гуттен, он же бастард Арманьяк, всегда находится в первых рядах сражений. Барону уже есть что терять, судьба подарила ему семью и владения, но пока идет война и живы убийцы его отца, он будет в строю. Заговоры, интриги, тайные общества, наемные убийцы... ну что еще может встать на пути Александра Лемешева – обычного современного тренера по фехтованию, волей Провидения закинутого в пятнадцатый век? Для него все понятно – честь и достоинство превыше всего. Но рано или поздно жизнь поставит перед бастардом право выбрать свою судьбу.

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2150-3

© Башибузук А., 2015
© АЛЬФА-КНИГА, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Башибузук

Страна Арманьяк. Дракон Золотого Руна

Посвящается моим родным и близким

Пролог

– ...А ты? – Я понянчил в руках пустой кубок и подставил его Иосту, стоящему рядом с кувшином в руках.

– А что я? – горестно вздохнул Тук. – Хотел ему башку срубить, а потом – на кол.

Верный мой эскудеро, юнкер Уильям ван Брескенс – он же беглый саморасстрига монах Уильям Логан по прозвищу Тук, мотнул спутанной гривой волос и вообще замолчал.

– Так чего не срубил? – Я едва не расхохотался.

– Не дали... – Тук залпом выхлестал вино. – Не дали!!! Они...

– Брунгильда и Матильда?

– А кто еще... – буркнул шотландец, не поднимая головы. – И теща, зараза...

– А он?

– Не знаю... Спрятали... – Тук потряс кулачищем. – Вот я ему!..

Самое время пояснить смысл сей мизансцены. Тук ездил в выхлопотанный для него краткосрочный отпуск. Семью проведать, мои и свои доходы с владений привезти, да и вообще за порядком проследить. Но не это главное...

– Как она могла!!! – горестно взвыл Логан, потрясая кулачищами. – Я же мальчика делал!!! Точно – урод пейсатый наколдовал. Разорву жидовское отродье!!!

– А ты знаешь, как мальчиков делать? – не удержался я от ехидного замечания. – Поделись знаниями, умник.

Логан, устыдившись, заткнулся и стал старательно обглаживать здоровенную кость.

Вы все уже, наверное, поняли... Мы с Логаном стали отцами. Да, отцами. Матильда произвела на свет двух девочек-близняшек, а Брунгильда, отстав всего на неделю, наградила Логана тоже девчонками, но двойняшками. Роды прошли благополучно, матери и детки здоровы, в чем я усматриваю чудесную руку моего обер-лекаря Самуила. За что и вознагражу сторицей – как только доберусь домой. И, конечно, спасу от разъяренного Тука. Еще чего не хватало – единственного в наличии приличного доктора рубить!

Все-таки девочки... А Матильда и Самуил клялись, что будут пацаны... Но я не в обиде. Да и почти готов был к подобной коллизии – во сне маман и папан предупреждали. Ну вот... Уже не сгину без следа и памяти. Есть потомство. Радость великая, но и одновременно великие хлопоты. Надо будет выбрать удобный момент и решить вопрос с легализацией потомства. Думаю, Карлуша не откажет. Долбаное средневековье!..

Моя ненаглядная Матильда – самого что ни на есть подлого происхождения, и я, естественно, не могу себя законным образом с ней сочетать. Невместно, да и Карлуша никогда не разрешит. Посему дочечки уже родились с клеймом бастардов. Собственно – как и я. Вернее, брeнная тушка, в которую меня вселило. Бастард Мария-Эугения и бастард Екатерина-Карменсита – звучит великолепно. Да, уже имена дочуркам придумал. Теперь осталось решить вопрос с признанием моих крошек.

Отпил вина и подцепил с блюда кинжалом ломоть копченой белорыбицы. Хороша. И все остальное – отменного качества. Тук пригнал из Гуттена десять возов провианта, а самое лучшее не поленился и в аббатство доставить. Верные челядники отменно расстарались. Свято внемлют заветам и блюдут хозяйство. Исаак, которого я оставил надзирать за торговыми

делами, предоставил с Туком подробный отчет. Пишет: в великом прибытке сезон закончился, хотя клятый Бургундский Отель еще до конца не расплатился.

Таких же отчетов с Туком прибыло еще немало. Обер-дорпсхофт хвалится приплодом и урожаем. Обер-сержант-адмирал Веренвен докладывает, что взяли на шпагу галеру с пряностями, благополучно добрались домой, а теперь, как порядочные рыбаки, занимаются только рыбой и усовершенствованием средства преступного промысла. То бишь обихаживают шебеку. Обер-лейтенант-инженер Пьетро Фиораванти и обер-сержант-инженер Фен Юйсян наконец благополучно испытали свежеизобретенный бомбический единорог. Кстати, первые три разнесло в щепу вместе с лафетами. Ну никак почтенные инженеры не могли добиться потребного качества орудийного сплава. Реставрацию замка почти завершили – идут отделочные работы, а все мощности перекинули на укрепление гавани и постройку маяка. Да о многом еще рапортуют. В общем, дома парадиз. Что не может не радовать – начинаю потихоньку определяться по жизни. А поначалу... до сих пор вздрагиваю, как вспоминаю...

Началось все с того, что, будучи тренером сборной по спортивному фехтованию Александром Лемешевым, я вляпался в аварию и погиб. Да-да, наглухо. Затем, неведомо чьим хотением, возродился уже в теле бастарда д'Арманьяка, виконта де Лавардан и Рокебрэн, как раз совершившего побег из города Лектура, в котором его непутевый папенька граф Арманьяк сдерживал последнюю в своей жизни осаду. Как вспомню, так вздрогну. Как умудрился выжить? Толком же ни хрена про Средневековье не знал. Так... обрывки сведений. Клинок верный выручил. Вот что умею так умею. Все же в прошлой жизни олимпийским чемпионом по фехтованию был. Правда, и повезло мне нехило. Этого не отнять.

Недруг у покойного папаши был более чем серьезный – сам руа франков Луи XI по прозвищу Всемирный Паук. Поставивший перед собой цель извести свободолюбивое племя Арманьяков под корень. Что успешно и осуществил – это кроме меня, конечно. Папаша за пару дней до смерти отправил своего отпрыска в Испанию за помощью. И я, оказавшись в теле бастарда, решил эту миссию продолжить, ибо сумел сообразить своими современными мозгами, что со смертью отца шансов на более-менее пристойное существование у меня совсем не остается. Но не успел. Последний граф божьей милостью, а не милостью короля Жан V д'Арманьяк был в буквальном смысле разорван солдатами на второй день моего путешествия. И пошла жисть моя по кочкам... Пришлось повертеться – охотились на меня не в шутку. Едва успевал отмахиваться, а личины вообще менял как перчатки. Кем только не был... Шевалье де Сегюр, шевалье де Дрюон... даже командиром компании наемников-рутьеров побывал. Но выжил. Теперь я вполне легальный барон ван Гуттен. Кондюкто лейб-гвардии Карла Смелого Бургундского. Карьера, ёптыть... Собственной кровушкой политая.

Тук, едва осилив последний кубок, клонул своей буйной головушкой и громко захрапел. Ага... торкнуло наконец. Он уже приехал в сиську бухой. Горюет скотт... В смысле – не скотина, а шотландец. Эскудеро у меня из Каледонии, то бишь Шотландии. Подобрал его по пути в Испанию. Приютит, обогрет, приблизил, возвеличил. И ни разу не пожалел об этом. Люблю этого громилу как брата.

– Оттащите его куда-нить в келью, – приказал я Иосту и Клаусу. – Пусть проспится болезный. А сами валите послушниц шупать. И без насильства, а токмо по доброй воле. Узнаю, что кого обидели, – самолично четвертую. Понятно? Да... пришлите ко мне срочным порядком обер-казначей со списком награбл... тьфу ты... со списком взятого с бою. Выполнять...

Обрадованные пажи быстренько подхватили под руки Логана и утащили.

Я походил по келье и глянул в слюдяное окошко. Брр... зима в Лотарингии – это нечто. Так бы и сидел до конца войны в аббатстве. Но не получится. М-да... Значит, буду наслаждаться, пока есть возможность. Подкинул пару поленьев в камин и отправился к книжным шкафам. Так... что здесь у нас? Провел рукой по книжным корешкам и наугад вытащил тяжелый фолиант в кожаном переплете. Ага... некий Сен-Мор со своим «Трактатом о монаше-

ской кухне». Очень интересно. Долил себе вина и утвердился в удобном кресле. Про кухню – это всегда познавательно, тем более про монашескую...

«...собрал я сии рецепты из собственного опыта ради совершенствования повседневного питания братии и дабы сделать это питание более вкусным...»

Глава 1

– Капитан... – Дверь в келью приоткрылась, и показалась бородатая башка в полусаладе. – Простите, капитан...

– Что? – Я оторвался от чтения.

– Обер-аудитор просит извинения: глаголет, скоро закончит ревизию и сразу явит себя пред вами, – степенно сообщил Якоб Бользен, сержант моих арбалетчиков, стоявший сегодня инспектором караулов. – А еще он одну подозрительную перегородку собрался ломать. Грит, не успокоюсь, пока не найду...

– Хорошо. – Я кивнул, не отрываясь от чтения. – Свободен.

– Тут еще эта... – Якоб досадливо поморщился.

– Что еще?

– Аббатиса буйствует. Значица, грозит руки на себя наложить, совершенно несправедным способом...

– Да и хрен бы с ней... – отмахнулся я. – Не видишь, капитан просвещается... хотя... ладно, веди...

М-да... и на хрена мне эта морока? Но куда не денешься. Сам ее придумал, значит, и расхлебывать буду. Дело вот в чем...

Война, однако. Воюем с Карлой Лотарингию. Успешно. Двадцать пятого сентября Понта-Муссон почти с налету взяли. А вот перед Нанси – столицей этой самой Лотарингии, великий затык вышел. Ну никак клятые горожане сдаваться не хотят. Люто бьются, сволочи. Время идет, на дворе конец ноября, слякоть, грязь, провиант уже весь вышел у бургундов, небоевые потери просто зашкаливают. Народ роптать начал – жалованье Карла уже три месяца задерживает. А еще подмога от Рене II Лотарингского и Сигизмунда Австрийского вполне может пожаловать, и повторится ситуация как при Нейсе.

Хотя тогда мы сдюжили и загнали германцев за облака. Ваш покорный слуга своей храбростью выслужил при Нейсе баронский титул и стал кавалером ордена Дракона – его получил уже от самого кайзера Священной Римской империи Фридрихуса. Да, в наше время рыцарственности даже враги могут достойно отметить своих соперников. Хотя я до сих пор не понимаю, как тогда жив остался. Кирасу с дырищей от ядра рибодекина лично повесил в главном зале моего замка. Как память потомкам о своем доблестном предке...

Но это я отвлекся. Значит, с провиантом под Нанси у нас совсем плохо. С монетой – и того хуже. Город не сдается в надежде на подкрепление от своего властителя. И я совсем заскучал. Карл строго-настрого запретил участвовать в приступах. Дорог ему барон ван Гуттен, видите ли... В совершеннейшем фаворе нахожусь. Осуществляю его ближний круг охраны со своими спитцерами и арбалетчиками. И все... Никакой развлекухи, тем более добычи. А какая война без добычи? Уныние одно, а не война... Еще и жалованье не платят. Вот, воспользовавшись удобным случаем, я и присоветовал государю некий маневр. Конечно, исповедуя свою корысть. Мои архаровцы совершенно случайно выловили человечка из города, который с перепугу выложил весьма важные сведения. Оказывается, клятые бюргеры перед самым началом осады успели эвакуировать большую часть казны из Нанси в одно интересное аббатство.

Аббатство Сен-Жюстин. Стоит на расстоянии трех пеших дневных переходов от Нанси. Считаю, в глубоком вражеском тылу. Война эту местность еще не захватила. Значит, благоденствуют. При его захвате решается сразу несколько проблем. У нас появляется форпост со стороны возможной подмоги осаждаемым и перерезается канал поставок в Нанси. Возможно, провианта прихватим, а если казну еще дальше не сплывили – так вообще шикарно получится.

Карл поначалу наотрез отказался. Он уже опять видит Лотарингию своей вотчиной и не хочет проблем с церковью местной. Да и к населению приказано относиться щадяще. К примеру, провиант у пейзаз мы покупаем, а не отбираем. Экое занудство...

Пришлось постараться, уговаривая герцога. Как сейчас помню...

– Сир... – Я, преданно пожирая глазами своего сюзерена, сделал шагок к громадной карте, – сей маневр позволит обезопасить нас с севера... При этом...

– Барон, неужели вы думаете, что *мы* забыли про это? – Карл нахмурился. – Да, это аббатство у нас как кость в горле. Но я не могу отвлекать наши силы в данный момент. Там может быть сильный гарнизон.

– Я справлюсь... – скромно потупился я, – не привлекая дополнительных сил. Только своими спитцерами и арбалетчиками.

– Право дело, государь, барон ван Гуттен справится, – вступил в разговор великий бастард Антуан. – Если кто с монашками и справится, то только он.

Великий бастард украдкой мне подмигнул. Вот же мужик! Уважаю. Правда, пришлось заранее заручиться его поддержкой. Пообещав тридцать процентов от добычи. Стяжатель и вымогатель какой-то, а не великий бастард.

– При благоприятном исходе у нас получится решить частично проблемы с провиантом и финансами, – продолжил гнуть свою линию Антуан.

– Вы представляете, какой шум поднимет святая конгрегация, когда до нее дойдут слухи о том, что аббатство разграблено, а над святыми сестрами надругалась солдатня? – Карл возмущенно повел своим выдающимся носом. – Нет, нет и нет.

Затем, запахнув полу шитого золотом халата, проследовал к своему походному трону, где и утвердился, потягивая мальвазию из кубка. Кроме меня с Антуаном и Карла, в зале совещаний больше никого не было. Не считая, конечно, обслуги и моих негрил с лучниками тела в карауле. Подобные дела не требуют огласки, могут появиться лишние кандидаты на лакомый кусочек.

– Сир... позвольте заверить вас... святые сестры останутся довольны. Опять же, сир, ответственность если и падет, то только на меня... – И я одновременно явил своим видом величайшее смирение и решимость ответственность за все свои будущие прегрешения.

Мля... научился лицедействовать за время придворной службы. И никуда не денешься, хотя иногда и воротит.

– И как вы, барон, это устроите? Хотелось бы знать. – Карл Смелый скептически окинул меня взглядом.

– Очень просто. Монашек никто не будет насиловать... А если и будут, то при полном их согласии...

В общем, через час уговоров Карл сдался. Правда, пообещал образцово-показательно наказать в случае бесчинств над невестами Христовыми. Дальнейшее являлось только делом техники и... конечно, небольшого везения. Оставив в лагере только негрил при карауле, я с полусотней арбалетчиков, таким же количеством спитцеров и кутильеров, при неизменных трех десятках мосарабов и шестиорудийной батарее совершил стремительный марш и ворвался в аббатство на плечах громадного обоза с провиантом, как раз сделавшего там остановку перед выдвижением к Нанси. Пользуясь внезапностью, охрану быстро перекололи – это при минимальных своих потерях, монахинь – во избежание насилия – заперли под караулом в общей молельне, пригожих послушниц отправили на сеновал для употребления по существу – и все... Фортуна опять повернулась ко мне передом.

Сегодня пошел второй день как мы осваиваем мощности аббатства. Обоз с провиантом как свидетельство своей виктории я уже отправил в распоряжение войск. Представляю, какой там ажиотаж поднялся... Только стадо бычков при обозе насчитывает не менее сотни голов. Остальное, в том числе сокровищница, требует более вдумчивого отношения. Да и не нашли

мы пока казны городской – ведем деликатное дознание. Не будешь же в самом деле монахинь пытаться... Но аудитор полон решимости.

По сути, мои действия являются дикой авантюрой. Полный отрыв от действующей армии с таким мизерным количеством сил чреват. Ответка может последовать незамедлительно, но постараюсь успеть. Стены у аббатства крепкие. Что за гам?

– Не прикасайтесь ко мне, еретики!!! – раздался за дверью женский визг. – Прокляну святотатцев!!!

Я вылетел в коридор и узрел картину: три здоровенных, обвешанных оружием спитцера испуганно жмутся к стенам, а к ним, потрясая кулачками, подступает статная монашка в шелковой рясе...

М-да... Согласно многим историческим трудам, с лицами монашеского полу особенно не церемонились – насиловали, грабили и убивали. Но как очевидец могу заметить: подобные утверждения все же являются некоторым преувеличением. Бывало, конечно, но в основном беспредельничает солдатская вольница, то есть наемники, мародеры и прочие разные там живорезы с рутьерами. Или регулярное воинство, но при прямом на то приказе непосредственных отцов-командиров. Бывало и такое. На самом же деле отношение к церкви в это *наше* время достаточно трепетное и почтенное. Церковь в силе, да и строжайший приказ от меня последовал – святых дочерей по возможности не притеснять. Поэтому я своих спитцеров понимаю. Одно дело в сене послушницу повалить, даже если она немножечко сопротивляется, а совсем другое – по загравку съездить матери аббатисе. Чревато...

– Что здесь творится?! – грозно рыкнул я, обращаясь к Якобу Бользену.

– Дык... – замялся сержант, – доставляем по вашему приказу.

– Они меня хотели изнасиловать!!! – истошно взвизгнула аббатиса. – Нечестивцы!!!

– Что, прямо в коридоре?

Теперь смешалась аббатиса:

– Нет... но намерения их ясны как божий день...

– Понятно. Прошу вас... – Я распахнул перед монахиней дверь. – А вы, сержант, действуйте далее по распорядку. Выполнять. И удвойте караул при молельне. Да, проследите, чтобы святым дочерям исправно доставляли потребное и выводили по нужде разной. И контролируйте, как грузят возы.

В келье усадил невесту Христову в кресло – ранее ей же и принадлежавшее, подал кубок с подогретым вином и подвинул вазу с засахаренными фруктами. Решив, что полностью исполнил свой куртуазный долг, уселся напротив и задал вопрос:

– В чем природа вашего беспокойства, матушка?

При этом стал оную матушку пристально рассматривать. М-да... далеко не дурнушка и довольно молода. Вон какие ямочки на щечках симпатичные... Хотя и проскальзывает в обличье нечто истерическое и стержовное. Ну, это понятное дело – длительное воздержание кого хочешь нервным делает. Лет тридцать дамочке... может, с небольшим. Такая пышная, видом весьма породистая, следовательно, явно не подлого происхождения. Да и не может быть аббатиса столь роскошного аббатства являться простолюдинкой. Такими благами даже награждают в наше время. Вполне может оказаться одной из дочерей влиятельной родовитой семьи, будучи с детства посвященной церкви. А может, сама приняла постриг, ведомая некими обстоятельствами али чем еще компрометирующим. Сейчас и узнаю...

– Да как вы смели!!! – Аббатиса опять стала себя накручивать, впрочем не забывая отхлебывать из кубка и хрумкать цукаты мелкими белоснежными зубками.

– Кавалер ордена Дракона, кондукто лейб-гвардии его светлости Карла Бургундского, барон Жан ван Гуттен. – Вместо того чтобы отвечать на сомнительный вопрос, я встал и с легким полупоклоном явил свой полный титул.

– Графиня Алоиза фон Шва... – Монахиня по инерции тоже раскрыла свое инкогнито, но быстро опомнилась и келью огласил очередной вопль: – Святотатцы, насильники!!! Вас Бог покарает!!!

– Право дело, матушка... – я поморщился, – не стоит так кричать. А то и правда невесть что подумают. Насколько я понял, вы вступили в сан совсем недавно?

– Это не имеет никакого значения! – гордо вскинула головку аббатиса. – Насилия церковь не потерпит. О вашем поведении будет сообщено в Ватикан!!!

– Господи... да вас никто не собирается насиловать...

– Как? Совсем? – с величайшим подозрением и, кажется, весьма разочарованно уставилась на меня монахиня. – Вы же солдаты, насильники, поголовно нечестивцы и негодяи?..

– Да, мы примерно такие, но насиловать не будем. – Я слегка поклонился и долил святой дочери вина в кубок. – От слова совсем. Что, впрочем, не касается обслуги и послушниц. Но тоже без особой грубости.

– Замолят как-нибудь... – небрежно отмахнулась аббатиса, а потом, опять поняв, что прокололась, широко и истово перекрестилась.

Вот так так... И что же она от меня хочет?

– Матушка, предлагаю вам со мной отужинать. Поверьте, мой повар творит чудеса. А я за вами поухаживаю со всем почтением. А в процессе мы постараемся сгладить все неудобства, причиненные святой обители...

Настоятельница не стала возражать.

Пужинали...

– Ничего нет... ой, ой, ой... Господи, поми-и-илуй!!! – взвыла Алоиза и стала набирать темп, активно двигая пышным задом. – Ой, ой...

– Мулов с конюшни все одно заберу! – Я, ускоряясь, нащупал тугую грудь аббатисы. – Городскую казну, отданную вам на сохранение, – тоже... и без разговоров... И ты мне покажешь, где она скрыта...

– Отправили мы ее. Ничего не-э-эту-у-у... – Аббатиса захлебнулась в вопле и рухнула на меня, рыдая в голос.

Впечатленный таким бурным восторгом от моей мужской силы, я погладил всхлипывающую женщину по волосам:

– Да что вы в самом деле, Алоиза...

– Пустое, Жан... – Аббатиса приникла к моей груди. – Я оплакиваю свое мирское прошлое...

Да уж... вот такой казус случился. Не ожидал... «Декамерон» в чистом виде. Впрочем, я ее не осуждаю. Оказывается, Алоиза получила свой сан и доходное место всего три недели назад. А до этого вполне полноценно вкушала все прелести мирской жизни. До той самой поры, как скоропостижно помер ее престарелый муж. После чего родня, пользуясь отсутствием наследников, быстренько спровадила ее в монастырь. Впрочем, поступили по справедливости: не монашкой, а настоятельницей крупного богатого аббатства. В самую пору сказать цитатой из классика: «О времена, о нравы...»

– Жан, вы великолепны... – Алоиза понемногу стала приходить в себя.

– Вы тоже, Алоиза, но давайте вернемся к нашим баранам.

– Это вы про казну?

– Именно про нее. Сами понимаете, ее получение нами – только вопрос времени. А терпение мое вовсе не безгранично. Я и так едва сдерживаю своих молодцов. Давайте договариваться.

– Бесплезно, Жан. – Аббатиса томно потянулась, а ее рука скользнула к моим чреслам. – Все, что было, уже ваш скряга-аудитор подчистил. И уймите вы его наконец. Преподобную Цецилию уже чуть до удара не довел, ирод. Снасиловать старушку угрожает. Варвар...

– А что с деньгами самого аббатства?

– А что с ними? – удивилась Алоиза и отрезала: – Я же говорю, помимо того, что уже нашли ваши люди, ничего нет. А к церковной утвари даже прикасаться не смейте! Жан, я предупреждаю...

Я закрыл ей рот поцелуем. Когда она еще мужской ласки попробует... да и хороша девка в постели.

– А-ах, Жа-а-ан!!!

Алоиза не успокоилась, пока полностью не выжала меня, затем сама заснула, а я наконец получил возможность задуматься.

Печально, но, кажется, в финансовом плане нашу экспедицию постигнет полное фиаско. Не будешь же аббатство разбирать по кирпичику... А добровольно клятые монахини ничего не отдадут. Высесть бы их, по петровскому примеру...

Денег в общей сложности нашли на сумму около пятидесяти турецких ливров. Точнее аудитор скажет. Это мизер... Хотя печалиться вроде нечему: провианта столько, что хватит на всю армию. Увезти бы все без приключений... И библиотеку монастырскую полностью подчищу. Ко мне в замок перекочет...

Пользуясь тем, что аббатиса задремала, накинул на себя халат и вернулся к книжным шкафам. Точно все заберу. Потянул к себе фолиант в богатом, тисненном золотом переплете. Да что за черт?! Клятая книжечка застряла намертво. Гвоздями ее, что ли, прибили?

Неожиданно книга поддалась... и одновременно с ней, скрипнув, пришел в движение весь книжный шкаф.

– Nu nichrena sebye... – прошептал я на родном языке. – Да это же!..

За съехавшим в сторону книжным шкафом открылась узенькая ниша с окованной железными полосами дверью. Кино и немцы.

– А ну подъем, Алоизка! – скомандовал аббатисе. – Что это за нахрен?

Дико злобное и одновременно испуганное выражение лица монахини само по себе все прояснило. Ай да я! А хренов аудитор перегородки там ломает!.. Олух.

– Одевайся! – бросил настоятельнице, а сам, на ходу раздавая команды караульным, продефилировал к двери кельи. – Срочным порядком ко мне казначея с помощниками. И ломы прихватите. Бегом! Стоп... и моих пажей-бездельников разыщите...

Караульные исчезли со скоростью света.

– Жан! Господин барон... поймите! – Аббатиса прижала к груди руки. – Я была не вправе!

– Мне все равно! Ключ давайте, а иначе мы разворотим вам половину кельи, – прикрикнул я на Алоизу, натягивая ботфорты. – И живо.

– Господин капитан... – в келье появился мой обер-аудитор и сразу согнулся в поклоне, – вы изволили меня звать?

Немного отступлю от повествования...

Хорст Дьюль – преемник Тука на должности обер-аудитора-казначея. У Логана с возведением в лейтенантский чин появилось немало других забот и обязанностей, так что за всем он просто не успевал. Пришлось задуматься о замене. Дело весьма нелегкое, так как должность – весьма и весьма специфическая. Кандидат не только должен обладать надлежащими талантами, но еще быть в доску свой. Не чей-то, а именно мой. До мозга костей. Поначалу я планировал пристроить к делу Иоста, но потом передумал. У парня рыцарское будущее, незачем ему биографию портить. И тут как нельзя кстати судьба меня свела вот с этим тщедушным очкариком. Как всегда случайно. Под славным городом Ипром. Да-да, именно тем, в честь которого назвали один веселенький газ. Так вот, под Ипром, я его и подобрал. Едва живого от голода, но с сумой, полной писчих принадлежностей и дипломом Мюнстерского университета, старательно завернутым в тряпицу. Все мужичок по нужде продал, а вот чернильницу с перьями оставил. Зачем его подобрал? Да по прихоти своей. Ловец человек,

ёптыть... Подобрал и определил в обоз на посильные работы. Не буду в подробностях освещать карьерный путь сего индивидуума, но по итогу рекомендовал мне его сам Логан. И не прогадал. Хорст – такая педантичная, вредная и въедливая скотина, что порой хочется его самолично зарубить. Но сдерживаю себя, ибо великой полезности человек и верен как собака. Были возможности в этом убедиться.

– Ну как? Нашел? – с ехидцей поинтересовался я у аудитора.

– Господин капитан... – Хорст покаянно сморщил свое сухенькое личико. – Но все остальное уже оприходовано и переписано. Извольте просмотреть отчет. Опять же...

– Значит, не нашел, – прервал я его. – И хочется знать почему?

– Почему? – сам у себя спросил Хорст, но ответил уже мне: – Возможно, потому, что господин барон не дал разрешения провести дознание по всем правилам?

– Потому что искать не умеешь! – рыкнул я ему и скомандовал: – За мной!

Аббатиса ключ так и не явила, помимо того – разразилась руганью и прокляла нас всех скопом. Пришлось ее запереть в дальнем чулане, от греха подальше. Так и чесались руки отправить девку на конюшню для употребления вечно голодными до женской ласки солдатиками. Но сдержался... пока.

С дверью пришлось повозиться. Делали ее на совесть; впрочем, как и почти все в это время. Но в конце концов она, отчаянно заскрипев, сдалась...

Факел осветил узенький сводчатый ход. М-да, мрачненько. Аббатство очень древней постройки – по-другому тогда просто не умели. И, насколько я понимаю, проход проделан внутри стены донжона. Посмотрим...

Немного покружив, мы стали спускаться куда-то вниз. Ощутимо запахло сыростью и гнилью. Точно где-то под землей бредем.

Неожиданно наткнулись еще на одну дверь, а за ней еще и на развилку. Сразу пожалел, что с собой нет клубочка пряжи. Зараза, заплутать еще не хватало...

Пришлось разделиться. Еще несколько поворотов и – тупик. Пришли... Принялся долбить по всем выпуклостям, но только отбил кулак. А что? В кино в таких случаях обычно что-то нажимают. Правда, там еще и на голову хрень какая-нибудь может свалиться. Или стрелами затыкает. Но не затыкало... и перегородка не открылась. Пришлось вернуться к развилке, догнать вторую группу, и... опять наткнуться на тупик. Точно такой же, как первый.

– Ломай... – махнул я рукой и с досады двинул ногой по стене. – Да что за напасть!..

– Осмелюсь возразить... – Хорст внимательно изучал камни на стене. – Так вот же... потертый самый...

Я собрался было наорать на казначея, но после его манипуляций за стеной зашуршал противовес, а перегородка поползла вверх. Долбаные архитекторы!

Мы очутились в небольшой каморке с еще одной дверью, к счастью незапертой. А за ней... за ней я узрел самую настоящую монастырскую темницу. Причем тайную – явную мы уже обыскивали.

И в этой темнице...

Да неужели?..

Это правда?..

Сука... спалю курву заживо...

Глава 2

– Что это такое? – Я ткнул рукой в четко выделяющиеся на стене длинные прямоугольники с высеченным на них словосочетанием на латыни: «in расе».

Соратники подавленно молчали. Хотя я мог бы и не спрашивать. Все и так ясно. По периметру стены шли ниши. Половина из них была заложена, а остальные так и оставались пустыми.

Такие не очень глубокие ниши, с небольшим уступом внутри. Как раз помещается человек, а на уступ даже может присесть. И тесные камни рядом лежат...

Сука... Значит, правда...

– Вот она, казна!!! – радостно завопил Клаус, сунувшийся в боковую дверцу. – Господин барон!..

– Заткнись! – рыкнул я на него. – Слышите?

Ближники недоуменно на меня уставились.

– Вот, опять...

По комнате пронесся едва различимый вздох. Тихий, как дуновение ветерка и одновременно невероятно зловещий. Сами посудите... Неровный порывистый свет факелов едва освещает сводчатые, поросшие мхом стены, решетки, колодки, кости в цепях и тут – полный страдания стон... Жуть!

– Мать божья! – Все одновременно истоиво закрестились, а Питер Нидербоккер, здоровенный головорез и отъявленный храбрец, с выражением крайнего ужаса на морде с грохотом брякнулся в обморок.

У меня самого волосы стали дыбом, а рука невольно совершила крестное знамение.

– Здесь!.. – Один казначей не стал креститься, а тем более падать в обморок. Он подскочил к крайней замурованной нише и приложил к камню ухо.

Я подхватил лом, но путь загородил Михель Кауфман. Десятник спитцеров из последнего набора. Рядом с ним стал Гвидо Зеллер и еще два пикинера, имен которых я пока не запомнил. Всех их, восполняя потери, я нанял месяц назад одной ватагой. Прошлым не интересовался. Солдаты справные и дисциплинированные. Обретаются пока в роте на вспомогательных ролях – к охране Карла, естественно, не допущены.

– Негоже, капитан, в эти дела лезть... – с угрозой прошипел Михель. – Наша мать церковь не ошибается в своих определениях. И не нам вмешиваться в деяния ее.

– В самом деле... – поддакнул ему Зеллер, – не стоит вмешиваться...

Остальные промолчали, но руки, положенные на эфесы палашей, явно свидетельствуют о намерениях.

– В сторону, солдаты! – лязгнул голосом Якоб Бользен и стал со мной рядом. – Кому сказал! Иначе!..

Вот так, значит... Якоб со мной с самого начала – в нем сомневаться не приходится. Кто еще? Клаус, Иост и казначей. Сука... считай, один сержант, пажи даже не одоспешенные, а Хорст – так вообще божье недоразумение. А арбалетчики – в кирасах, капеллинах, при мечях и алебардах. И олух Нидербоккер до сих пор без памяти лежит...

– Что это значит? – вкрадчиво поинтересовался я и сделал маленький шаг вперед, выбирая позицию. – В чем дело, ребята? Я так понял, что вы решили мне... мне, своему командиру, воспрепятствовать? Да я же ничего пока не собираюсь делать. Замуровали – значит так надо...

Еще шагок...

– Не своему командиру, а человеку, собравшемуся попать деяния церковные! – выпренок и фанатично ответил Михель. – Я устав зна...

Но не договорил – клинок эспады перерубил ему голосовые связки вместе с кадыком. Одновременно дага с легким хрустом проткнула глазницу Гвидо. «Удар быка» – одновременный удар эспадой и дагой по разным направлениям. Мастер Понс из Перпиньяна может гордиться мной, все сделано как по его учебнику...

Разворот, сближение, махи и одновременный дикий захлебывающийся вой обоих спитцеров. Пикинеры даже не успели палаши из ножен вытащить. Первый шлепнулся на пол с перерубленными связками на ногах, а второй, скрючившись, зажимает фонтан крови, бьющий из паха...

М-да... В самом деле, черт знает что... Порой я совершаю грандиозные ляпы. Рояли в кустах сверкают своими полированными боками. Думал, обвыкся уже. Пообтесался... Ан хрен! Ну как должны среагировать невежественные, средневековые и глубоко верующие персонажи, если на их же глазах кто-то собирается исправлять правосудие, исполненное их матерью католической церковью? Думать надо, барон. Думать, а потом делать. Тьфу... Таких солдат собственными руками изничтожил... Тем более непонятно пока, из-за кого. Но ничего уже не исправишь.

– Эка вы их, капитан! – Якоб восхищенно развел руками. – Сколько раз видел вас в деле, а все равно впечатляюсь. Я уже рубиться собрался.

– Добить? – хором поинтересовались Клаус и Иост, потянув из ножен кинжалы.

– Да... И, Якоб... сколько я их тогда нанял?

– Десяток... – почесал голову под салатом Бользен. – Здеся четверо. Трех срубили обозники вчера... Одного, самого крепкого из них, еще раньше ядром достало. Ну да... осталось еще двое. Все – одна компания. Они и держались особняком. Давно на них обращал внимание. Я вас правильно понял, капитан?

– Да. Сразу после того, как поднимемся на поверхность... – Я не стал объяснять причины приказа.

Якоб правильно все понимает. Оставшаяся парочка может превратиться в источник ненужных проблем. Да, я подозрительный урод. Да, я оскотинился по самое не хочу. Но я живой. И собираюсь таковым оставаться как можно дольше. Формально я прав. Ослушание приказу наказывается смертью однозначно. А в данном случае просто действую на опережение.

Подошел к казначею:

– Займись казной. Тебе привычней будет. А мы тут сами...

Некрепко схватившаяся кладка с одного удара посыпалась на каменный пол. Поднес факел к нише...

Так и есть: скрюченное, тоненькое тельце в белом саване. Девушка... Совсем молоденькая. Почти ребенок. Живая?

Якоб поднес полированный клинок кинжала к губам девушки, а потом, понурившись, отрицательно покрутил головой:

– Не успели, капитан. Уже отошла. Мы ее последние вздохи слышали.

– Но как?.. – Я безуспешно пытался нащупать пульс у пленницы. – Не может быть...

– Может, капитан... – Якоб осторожно оттер меня от тела. – Может... Дело такое... Забрал ее боженька к себе...

– Твою мать... – от безысходности выругался я. – Верните ее назад, что ли... Будет хоть какая-то могилка.

– Сделаем, капитан. – Якоб принялся приводить в чувство так и валяющегося в беспмятстве Нидербоккера.

– Ваша милость! Вам надо это видеть!.. – В зал ворвались вездесущие Иост и Клаус. – Там такое!.. Такое!..

– Что еще?.. – Я проследовал за ними в еще один коридорчик и опять выругался: – Ад и преисподняя! Я все-таки на хрен сплю чертово аббатство!

Клетки... Похожие на пеналы железные клетки с высохшими человеческими костяками внутри. Да что же это такое?! Похоже, несчастных женщин заморили голодом. Зачем? Млять, изуверы!

– Господин капитан... – Меня деликатно тронул за руку Хорст. – Здесь живых уже нет. Займемся насущным...

– Сам решу, чем заниматься. Что там с казной?

– Два запечатанных бочонка с флоринами. Судя по печатям, там должно быть по пять тысяч в каждом. В сундуках утварь драгоценная, золотые оклады. Поднимем наверх – смогу точно сказать, сколько и чего...

– Ну так поднимайте... – буркнул я. – Клаус, Иост – помогите казначею... Якоб, дай вина...

Вот так... Право дело, лучше бы я в эти подземелья не совался. Да и хрен с ней, казной этой. Знаете... я как будто извалялся в грязи. Прикоснулся к мерзости... гадости... Будь эти церковники прокляты! И что самое дерьмовое... они же творят подобное, искренне веруя. Млять!.. Настроение испортили на год вперед, суки...

– Капитан!!! Она все-таки живая! – вдруг заорал Бользен. – Ей-богу, живая!

– Твою же мать! Ну что тормозите? Бегом за обер-медикусом!..

Девушка опять стала проявлять едва заметные признаки жизни. Держись, милая, держись...

Привели мэтра Бельведера. Толстяк глубокомысленно похмыкал и приказал своим подмастерьям тащить несчастную наверх. М-да... Бельведер явно не обладает талантами Самуила, но уже не дикий коновал. По крайней мере, руки моет перед осмотром. Почти всегда...

Выходит девчонку – награду, а угробит... Угробит так угробит. Все под Богом ходим. Надо бы попросить почтенную Лилит присмотреть за несчастной. Вроде она с нами пришла. Да не ту Лилит, что богиня... Лилит – старая цыганка. С дочерью Евсенией при обозе обретаются. Прибились и как-то прижились. По крайней мере, у народа отторжения не вызывают. Гонений на них вроде бы пока нет. Лилит с Евсенией лошадок врачуют понемногу, могут и понос при необходимости травками уgomонить. А это по нынешним временам очень полезно. Ладно, все что мог – я сделал. Теперь казна...

Ценности в три приема перетаскали наверх. Где казначей и занялся пересчетом. Уже могу сказать – моя затея с вылазкой в аббатство закончилась успешно. Вернее, не столь успешно, как прибыльно. Вот только отчего-то эта прибыль душу не греет. Да и лично мне с этой казны достанется не так уж много. А еще из моей доли великому бастарду Антуану придется злата отсыпать. Да и ладно – все равно в прибыли останусь.

Отправил гонца в ставку за указаниями, затем проверил посты и ход освобождения аббатства от всего ценного, а потом растолкал Тука и стал надираться с ним винищем. Хотел разобраться с невестами Христовыми, в частности с аббатисой, но потом плюнул. От того, что я узнаю, за какие такие грехи заморили несчастных женщин, легче мне не станет. Млять... чувствую, опять вляпался барон в какое-то дерьмо. И скотт еще взялся ныть...

– Не дело, ваша милость. Не дело лезть в дела церковные.

– Грабить, значит, можно?

– Грабить можно, от них не убудет, – убежденно заявил Логан, – а вот в правосудие церковное негоже лезть.

– И что теперь?

– Да ничего. Сделанного не воротишь. Ох и славное у монашек винцо... – Тук алчно выхлестал кубок до дна. – И рыбка пригоже идет под мозельское...

– Нет, ты подожди, братец. Так что, получается, надо было несчастную бросить?

– Да нет... Хотя...

– А какого ты мне голову морочишь?

– Ну так... к тому... Вот вы знаете, за что ее осудили?

– Да откуда?..

– А ведьму помните?

– Ее забудешь... – Я действительно тот случай никогда не забуду.

В самом начале нашей истории мы с Туком повстречали настоящую ведьму. Да, самую настоящую. Ее везли в инквизицию на дознание. Со стандартным обвинением: порчу наводила, скот морила, посеvy губила... и прочая подобная лабуда. Я по наивности раньше думал, что сказки все это... Короче говоря, после того случая я свято верую: ведьмы и остальные производные этого термина существуют. И все приписываемое им – чистая правда. Почти всегда...

– Вот! – наставительно поднял палец шотландец.

– За что так наказывают, братец?

– Достаточная редкость это в наши времена... – Тук задумался. – Раньше оно да...

– Не тяни, окаянный скотт. И подай мне каплуна...

– Поверье есть такое еретическое. Хотя церковь почти всегда закрывала на подобное глаза. Ежели невесту перед самым ее вступлением в брак живьем замуровать в основание моста, либо какого другого строения, то постройка будет стоять вечно.

– Это не тот случай. Ее замуровали всего две недели назад, а аббатству уже пара сотен лет. Там у нее еще кувшин пустой стоял, то есть воды ей немного оставили... В белом саване и стриженная. Девка... лет пятнадцать... а вообще, хрен его знает сколько ей лет, но точно молодая. Чернявая такая. На камне высечено «in rase», что значит «в мире» по-латыни. И дата.

– Ну да... ну да... – глубокомысленно изрек шотландец. – Значица, обитель сия принадлежит братьям-целестинцам... Монахиня она, скорее всего. Нарушившая обет али покаяние какое строгое. Может, вообще в сношении с нечистым уличена. Хотя тут что хочешь может быть. Но точно монашеского сану девка. Своих церковный трибунал наиболее строго наказывает. Особенно женщин – невест Христовых, значит. Я вот всего три случая таких припоминаю – и все с девками... Может, аббатису поспрошаем деликатно? Хотя не стоит... Э-эх, огласки бы не вышло...

– Не причитай... – Я уже сам был не рад тому, что освободил узницу. – Давай нажремся... А девка, может, и не выживет вовсе...

Пара дней пролетела как пара часов. Известий из ставки не было: думаю, не до нас им сейчас, да и гонец завтра-послезавтра только появится. Не скажу, что я огорчен. Да и солдатики отъедятся. Что совсем нелишнее.

Спасенная девчонка так и болталась на грани жизни и смерти. Но тут я ничем помочь не могу. Все в руках Господа. Нишу, из которой ее извлекли, замуровали обратно и подчистили все следы. Может, и удастся скрыть свое вмешательство в церковное правосудие. Ну никак не входит в мои планы попадать под горячую руку церковного трибунала. А еще девушка, кажется, с примесью испанской крови... армянской... грузинской... мавританской... В общем, явно не нордической расы. И возможно, даже вовсе немая...

Словом, все как бы в порядке. Было. До тех пор, пока рано утром не прибежал караульный и не сообщил, что подходит крупный отряд пехоты под предводительством нескольких рыцарей.

Вот этого еще не хватало для полного счастья... Ну ладно, пора подраться, а то подраслабились совсем.

– Что стоишь? Труби сбор...

– А ежели вдарить? Их всего в два раза больше. Ну в два с половиной... – Тук азартно стукнул кулаком по ладони.

– Можно и вдарить... – Я сложил подозрную трубу и сунул ее в сумку. – Уильям, Якоб, Курт, Альмейда, мэтр Пелегрини: слушай диспозицию. Арбалетчиков на стены – и затаиться.

Оставьте на виду несколько человек да обрядите их в котты обозников. Пусть часовых изображают...

– Капитан, вы думаете, не разберутся? – засомневался Логан.

– Да, я так думаю. Они не знают, что аббатство захвачено. А если знают, то тогда они идиоты. Пригнать четыре сотни пехоты, да еще без артиллерии и осадной инженерии, чтобы штурмовать такие стены, – только у идиотов и у меня ума хватит. Мэтр Рафаэлло, орудия во дворе – прямой наводкой на ворота. Зарядить картечью. Быть готовыми, как ворота открываются, выпалить.

– Все не умещу... максимум два напрямую станут. – Рафаэлло Пелегрини ухмыльнулся. – Но я знаю, как сделать. Выполнять?

– Да, вы свободны... – Я в очередной раз похвалил себя за сообразительность.

Великих трудов и расходов стоило переманить ломбардца к себе на службу. Мэтр артиллерии бургундской армии Гаспар Бюро рогом упирался, не хотел отдавать своего подчиненного, но, как всегда, монеты и связи сделали свое дело. Но ломбардец стоит каждого стюйвера. Как бы его охарактеризовать? Да просто. Он бомбардир от Бога. Уверен – дай ему современную гаубицу, он уже через пару часов будет из нее палить как выпускник военно-артиллерийского училища. Вот такой уникам. Хотя у меня все командиры таланты – ну... в той или иной мере. И я тоже... это... как бы не посредственность.

– Альмейда. Строишь своих аркебузирова и после залпов орудий начинаешь палить плутонгами. Арбалетчики работают со стен. Пикинерам быть готовыми к выходу за ворота и контратаке. Ворота откроете тогда, когда враг будет уже на мосту...

Да, вот такой план. Если противник знает, что аббатство захвачено, то, конечно, план этот не выгорит, но мы в любом случае ничего не теряем. Аббатство такими силами не возьмешь – тут даже настоящей армии поковыряться придется. Стены, конечно, обветшали, но приличествуют хорошей крепости. Да и в ров с реки вода отведена. Так что...

Я снова глянул в подзорную трубу. Ага, метров триста им еще топать. Кто же вы такие? Где знамя, где значки?.. По коттам ни хрена не понятно... Туман чертов! Хотя точно не наши. Как там говорили?.. Убивайте всех – Господь сам разберется: кто свой, а кто чужой...

Черт... до чего же оптика хреновая. Или в глазах мутнеет? Да нет вроде... Ладно, и без трубы все нормально видно.

Давай, родные, давай...

Еще, еще...

Открываем ворота...

Залп!!!

Не понял...

Это что за нахрен?

– Что?! Как?! – Я поймал за ворот пожилого солдатика и притянул к себе. – Не вздумай лгать, скотина. Четвертую!!!

– Клянусь Господом Богом н-нашим и Святой Девой Богородицей!!! – заикаясь и стуча зубами, взвопил ополченец. – Позавчера капитулировали, а мы, значит, домой возвращались, сложив знамя и оружие... Все честь по чести, господин. Милостиво отпущены с миром, самим государем Карлом Бургундским, с гарантиями неприкосновенности. Ополченцы мы... из города Сен-Дье... Не велите казнить...

– Твою же мать!!! – Я отбросил от себя солдатика. – Что же вы, идиоты?..

Не договорил и в ярости двинул кулаком в стену... Это косяк... Это серьезный косяк!!!

Все прошло как по нотам. Едва голова колонны вступила на мост, как ворота открылись и серпентины мэтра Пелегрини первым же залпом сделали из нее мелкий фарш. Второй и третий залп; затем аркебузы мосарабов и болты арбалетчиков завершили дело. Полная, млять,

виктория. Треть колонны как корова языком слизнула. Пережевала и выплюнула. Остальные, завывая в ужасе, ринулись куда попало, а их ловили кутюльеры и весело резали как баранов...

Млять, какой же я долбодятел! Хуже!

Знамя в чехле.

С коттдарме гербы спороты.

Оружия почти нет.

Обоз, полный раненых.

А я на это внимания не обратил... Сука... Полторы сотни невинных душ загубил. Не считая искалеченных... И барона Кальмара вместе с сыновьями, свитой и бурмистром города Сен-Дье...

Песец... Да меня Карлуша повесить прикажет! И разбираться особенно не будет. А остальные дворяне заплюют как первостатейного негодяя, нагло поправшего рыцарственность. Да со мной на одном поле никто гадить не сядет...

Вот это влетел! Что же делать? Что же так руки трясутся? Вроде вчера особо винцом не увлекались. По кубку привезенного Туком тяпнули, и все...

– Логан...

– Да, ваша милость?

– Что делать?

– А что делать?

– Что нам с этим делать!

– Да ничего. – Шотландец недоуменно пожал плечищами. – Бывает. Попутали. Они попутали.

– Они?

– А кто еще? Ваша милость, а вы не заболели? Вид ваш мне не нравится...

– Да здоров я. Они или мы?

– Они, конечно. Мы-то при чем? Откуда мы знали, что война закончилась? Белого флага у них не было. Сами виноваты. Что-то вы и в самом деле бледный...

– Ну да... – В разговор вступил Альмейда. – Флага не было. А положено при себе иметь в подобных случаях. Капитан, вы не ранены?

– Идите к черту. Значит, ничего страшного?

– Ну да. Что с пленными-то делать?

– Что? Отпустите. Пораненным и увечным помощь окажите. И барона... Ну... то, что от него осталось, пусть тоже заберут...

– Сначала пусть своих захоронят, а я отпою скопом, – предложил Уильям.

– Делай как знаешь... – Я отмахнулся от Тука и присел на тюк сена.

М-да... Что-то я мнительным стал... Белого флага действительно не было. Может, правда приболел? Голова какая-то пустая, и перед глазами все плывет... Стоп, куда?..

– Вот до чего ты себя довел, Жанно... – В темноте возникло красивое женское лицо, обрамленное черным монашеским клобуком.

– Пустое! – отрывисто бросил коренастый бородастый мужчина в родовой короне графов Арманьяк. – Я-то в его годы!..

– Бессовестный, – укоризненно сказала ослепительно красивая девушка с младенцем на руках. – Все вы, Арманьяки, такие...

– По краю ходишь ты, по краю ходишь ты... Га-га-га... – Видение Жанны де Фуа и отца с матерью сменилось образом гогочущей атаманши из мультфильма «Бременские музыканты», но с лицом руа франков Луи Всемирного Паука...

– Береги себя, береги себя, береги себя, себя, себя-а-а-а... – громыхнул речитативом и стал затихать чей-то голос.

– По делам е-э-эго судим буде-э-эт... – затянул еще кто-то на манер церковного пения.

– Удар! У капитана удар... – откуда-то со стороны как сквозь туман донесся густой бас обер-медика. – Я-то знаю. Ну ничего, вот сейчас кровь отворим...

– Я тебе сейчас сам ее отворю! – заорал я и наконец смог открыть глаза. – Что, мать вашу, я спрашиваю, случилось? Ох...

– Очнулся, слава Господу Богу нашему!

– Господь милостив!

– Слава Деве Марии!!!

– Да здравствует капитан!!!

Обступившие мою кровать соратники разом воздали славу Господу и стали осенять себя крестными знаменами.

– Что за?!.. – Я попытался встать и, к своему ужасу, понял, что не могу.

– Тише, ваша милость, тише... – Лапищи Уильяма прижали меня к кровати. – Приболели вы малость. Может, действительно кровь отворить? Хотите, я сам...

– Руки уберите... – Я оттолкнул шотландца. – Вина дайте...

– О! Винишко – оно полезительное. Я сразу сказал: командир просто устал! – радостно воскликнул Бользен. – А вы заладили... Сами знаете, как он о службе печется. Все на ногах да на ногах...

– Ага... – согласно кивнул Альмейда. – Бабы кого хошь доведут до истощения. Я вот, помню, из борделя неделю не вылезал, так едва ходил.

– А я говорю – удар! – прикрикнул Бельведер. – Что вы можете знать про удары, неучи!

– Я счас тебя как двину, ученая морда! – угрожающе протянул сержант спитцеров Курт Боулингер. – Ты кого вот сейчас неучем назвал, скотина? Я писать умею...

– А ну тихо... – Я отхлебнул вина, и головокружение действительно почти прекратилось. – Я что, в обморок хлопнулся?

– Ага! – Кивнул Логан с растроганной мордой.

– И сколько был в беспамятстве?

– Дык почитай сутки, – подсказал Боулингер. – Мы уже думали, того...

– Я вам дам «того»... – Не обращая внимания на укоризненные вздохи обер-медика, я вновь попробовал встать. – Да помогите же...

И встал... А потом отправился своим ходом к столу, уставленному едой. Проголодался – жуть. Набил рот хлебом с сыром и пробубнил:

– Ну фто молфим?.. Раффкафывайте...

И сразу извергнул все содержимое желудка на пол. Внутренности взорвались огнем...

– Да его отравили!.. – ахнул чей-то изумленный голос.

Глава 3

Как я не помер? Не знаю. Две недели находился между жизнью и смертью. Стал похож на вяленую чехонь – такой же сухой и прозрачный. Но выкарабкался...

Поступила команда возвращаться в Нанси, и соратники перевезли меня в город. Придворные лекари Карла разводили руками. Еще бы, толченый рог единорога не помог! Как будто он когда-нибудь кому-нибудь помогал... Идиоты! Мракобесы и коновалы!

Спасла меня Лилит. Отпоила кобыльим молоком и ей одной известными травами. Если бы не цыганка, то все. Подбили славного барона на взлете.

Я готов к смерти, время такое – костлявая всегда рядышком ходит, но было реально страшно. Буде случится зарубленным в бою или на дуэли, даже сложить голову на плахе – это одно дело: тоже страшно, но вполне понятно и предсказуемо, а вот когда смерть приходит неизвестно откуда...

Кстати, Тука траванули одновременно со мной. Но на него яд подействовал своеобразно. Шотландца только грандиозный дрищ прошиб, да неделю скотт как сонная муха ходил. А так – перенес на ногах болезнь. Кто это сделал? Я грешил на монашек, но потом все прояснилось. Верней, совсем запуталось до предела. Отравленным оказался бочонок вина, который Логан купил по пути в Лотарингию у своего невольного попутчика по имени шевалье де Сирак. Умысел сего шевалье ясен. Тук не скрывал того, что служит под началом барона ван Гуттена, в прошлом шевалье де Дрюона. Грешным делом, я подумал, что ожил Гийом де Монфокон, это как раз в его стиле подобные пакости устраивать. Так нет – Тук клянется, что под мое описание этот дворянин не подходит. Да и Монфокон я навеки упокоил в замке Бюзе-Сен-Такр, отомстив за смерть отца и Жанны де Фуа – моей мачехи. С перерезанной глоткой не живут – особенно в четырнадцатом веке. Загадка, однако...

Шевалье подан в негласный розыск, но, думаю, это не настоящее его имя, и понятно, чем этот розыск закончится. Покушение на свадьбе Логана обрело вот такое продолжение. Да, я уверен – эти события связаны... и еще мне кажется, за ними маячит рожа Всемирного Паука. Но посмотрим. Теперь я готов. Почти...

– В приходе – девятьсот пятнадцать флоринов... – Хорст поправил очки и черкнул пером в пергаментном свитке. – Это уже за вычетом премий и доли... ну, вы сами знаете кому. И в совокупности с доходами от продажи лишних возов и отбракованных господином лейтенантом ван Брескенсом лошадей. И мулов с прочими трофеями тоже. А также не считая награды от нашего милостивого государя за геройство. Ее я провел по вашей личной статье доходов. Значица, вот дарственная на дом...

Это Хорст Дьюль нудит. Добрался наконец, бумажная душа, до меня и теперь не отстанет, пока не явит всю финансовую отчетность. Он уже два дня пытается доложиться, да мне из вредности недосуг было. А заодно проверял его – не станет ли казначей без надзора казнокрадствовать. Не стал...

– Жалованье моей роте выплатили? – перебил я аудитора.

– Все до последнего медяка. А также экипировочные, кормовые, фуражные и прочие. Ваше – я вот в шкатулочку сложил. Значица, чтобы под рукой было. И отдельно серебром и медью разменял пару флоринов. Для удобства...

Я внимательно слушал его и допивал ужасно горький отвар, приготовленный Лилит. Гадость, но никуда не денешься. Она говорит – еще с недельку надо попить да диету строгую соблюсти пару месяцев. К счастью, винцо красное умеренно потреблять можно. А так – здоров. Даже вес понемногу набирать стал и тренировки возобновил. Правда, в весьма щадящем режиме – слабоват еще.

А вообще, в опале я. Не прошли даром геройства в аббатстве – святая конгрегация накачала Карлу грандиозную жалобу. По словам церковников, невесты Христовы оказались все поголовно обесчещены, сам монастырь разрушен, разграблен и так далее... Приукрасили, сволочи! Не было такого – соратники, конечно, провели розыск по случаю моего отравления, но в рамках. Почти... Немного с пристрастием, возможно, даже чуть усерднее, чем следовало, но, как говорится, ни одна живая душа при этом особо не пострадала. Только честь и достоинство оных монашек. Да и то не уверен: близники божатся, что никого не насиловали. И я им верю...

Так вот, вследствие сего инцидента церковники требуют выдать мою личность для проведения показательного судилища. В случае невозможности просят новоявленного властителя Лотарингии наказать хулителя святой церкви своей властью.

Заодно досталось и за расстрел сдавшегося ополчения города Сен-Дье. Формально я, конечно, прав, но прецедент для наказания создал. А если есть прецедент, то и кара не заставит себя ждать. Тем более жалобы на мою личность от родни погибших дворян тоже поступили.

В общем, я в обвинениях – как нищий во вшах. Сумел барон отличиться...

Герцог, к счастью, никуда и никому меня не выдал, а вот наказать – наказал. Но как-то странно.

Сами посудите. От двора и командования ротой я временно отлучен. Как бы не страшно – до недавнего времени я и так по состоянию здоровья был неспособен. Почитай месяц пластом пролежал. Вот, собственно, на этом вся опала и заканчивается. А... совсем забыл: Карл принародно объявил, что мной недоволен, и отказал в целовании монаршей длани.

Очень я, знаете, огорчился. Больно надо... монаршая длань... По сравнению со мной он явно родовитостью не вышел, по крайней мере, я равен ему. Род Арманьяков идет от Лупуса Первого – того самого, который нахлобучил в Пиренеях достославного Роланда и потом, стараниями борзописцев, был превращен в мавра. А если глубже поковыряться в моей родословной, то можно найти родственные корни с самим Хлотарем! Да я...

М-да... извините. Это во мне гонор бастардовский говорит. Прорывается моментами. Вернусь к повествованию.

И одновременно с вот этими жуткими карами Карл...

Объявил тайный розыск отравителя и приставил ко мне команду придворных лекарей. Как особу, пострадавшую на государственном радении, поставил на довольство к монаршему интенданту, денег отсыпал, новомодную шпагу в изумрудах с очередным томиком своих уставов подарил и даже уступил одного из придворных портных. Значица, обшивать по последней моде. Ну и особняк в Нанси пожаловал со всем содержимым – то бишь с обстановкой и слугами.

Помимо этого чуть ли не обязал придворных наносить мне визиты – дабы скучно хворому не было. Да и сам первым прибыл, при этом лично изволил меня, болезного, с ложечки бульоном накормить, чем вызвал бурный – на грани обморока, восторг у придворных дам.

М-дя... вот без этого пакета милостей я бы вполне обошелся. Придворные у меня в гостях жрут и пьют как сволочи – расходы просто зашкаливают. А еще они норовят по углам справить малую нужду, а старые вояки своими повадками служанок в смятение вводят...

– Господин барон! Прибыл глашатай с известием. К вам пополудни изволят пожаловать конт де ла Рош-ен-Арденн, съор де Бэвре, де Кревкер и де Васи, конт де Гранпре, де Гиен и де Шато-Тьерри, великий бастард Антуан...

Майордом нарисовался. Вместе с особняком, пожалованным мне Карлом, достался. Степенный мужичок с внешностью профессора филологии и великий знаток придворного этикета. И всего остального разного – полезного и не очень. А еще этот алкаш так внезапно умеет подкрадываться, что я его скоро заколю с испуга. Но без майордома никак – положение обязывает. Вот и сейчас великий бастард Антуан припрется. Но этому персонажу я как раз рад...

– Прикажи одеваться и пусть сервируют обед. Да пороскошнее...

За майордомом появились слуги с моим гардеробом. А потом Иост с Клаусом занялись пажескими обязанностями. В кои и входит право одевать своего господина. Я по инерции сначала брыкался, но потом привык, тем более парни к делу подходят ответственно и могут здорово огорчиться, если я решу лишить их оной привилегии. Средневековые заморочки, однако.

– Почему морды угрюмые? – Я подставил руки под свежую камизу. – Захворали? Али девки давать перестали?

– Скажете тоже, ваша милость... – фыркнул Клаус, ловко шнуруя рубашку. – Как они могут отказать-то?

Клаус – родственник Логану. Родным братом его жене приходится. Веселый, смышленный бутуз пятнадцати лет от роду. Взял я его в пажи в рамках милостей своим ленникам, ибо жена Логана, в девичестве дама Брунгильда ван Брескенс, вместе со своей сестрой Шарлоттой ван Груде, как раз таковыми и являются. В моей баронии – два лена, и оба управлялись вышеупомянутыми вдовами. Теперь вдова только одна – Логан, по моему расчету и своей неумной страсти, исправил положение.

– Значит, опять что-то натворили, сорванцы. – Я повертелся перед зеркалом, разглаживая складки на черно-фиолетовых шоссах. – Так в чем же дело?

– Да ни в чем, монсьор... – попробовал отмазаться Иост и подал черный, шитый золотом жакет.

Иост подобран мной еще до сражения при Нейсе. Пацан низкого происхождения; впрочем, сей факт я никому не являю. Со временем исправлю положение. Он одноленок с Клаусом, но умен не по годам. Более рассудителен, чем товарищ, и более сдержан. Вытянулся и заматерел видом, настоящий красавец. А ведь я подобрал его совсем заморышем... Со своим напарником он поначалу нещадно дрался – за доминантное положение, значит. А потом как-то неожиданно пацаны примирились и теперь дружат не разлей вода. В одно целое превратились, причем уравнивают друг друга. Иост – сдерживающий фактор в их тандеме, а Клаус – наоборот, кулаками помахать горазд.

Своими пажами я доволен, была уже возможность в верности и храбрости их убедиться. Хотя, как и все по молодости, пацаны – ужасные раздолбаи.

– А вот не врать мне! Ботфорты давай: туфли – f topku! Хорст, а вы чего замолчали? Продолжайте, я все слышу.

– А они ожидают, что я явлю господину барону их задолженность, – язвительно проскрипел аудитор и выудил записную книжку. – И я ее явлю-таки...

– Являй... – Я топнул ботфортом. – Нормально? Или, может, серые надеть?

– Как влитые сидят! – поспешили заверить пажи и дружно покраснели.

– Значица... – Казначей поправил очки. – Три стювейра и три патара за господином Клаусом и столько же – за господином Иостом, но за ним еще и прошлый должок в три патара. Говорили...

– Мы отдадим! – поспешил заверить Иост, прерывая аудитора.

– А куда вы денетесь: жалованье я вам выдам только с разрешения господина капитана, да и то за вычетом оных сумм. – Казначей мстительно улыбнулся. – А еще они обзывали меня скопидомом и кочерыжкой. Требовали должок пролонгировать и не упоминать вам об оном. Господин Клаус так вообще грозился на вертел насадить.

– Было? – Я обернулся к пажам.

Покаянные лица...

– По какому случаю деньги брали? Жалованья не хватает? Или не платят вам его? – Я изобразил свирепый гнев. – Молчать! А вы, обер-аудитор? Кто вам разрешил кредитовать из казны сих господ? Молчать!

Немного поорав, я успокоился. Переигрывать не стоит. Как раз в меру, себя гневного изобразил. Честно говоря, распекать не хочется обе стороны – дело-то обычное. Но воспитательный момент надо соблюсти.

– Мы... – замялись пажи.

– Я... – не отстал от них казначей.

– Молчать. Вы, Хорст, выдайте им жалованье: конечно, за вычетом задолженности. И оштрафуйте каждого на два патара... нет, на три! Все, можете идти.

Дождался, пока довольный казначей уберется, и поинтересовался у пацанов:

– Деньги на девок спустили?

– На них... – понуро кивнул Клаус. – Как-то само по себе вышло...

– Тут у нас сладилось с камер-фрау баронессы Зельдбах... – покаялся Иост. – Подарки и все такое... Да и сами приоделись. А еще в кости господину Уильяму ван Брескенсу немного проигрались. Клянемся, больше не повторится, господин барон!

Я немного помедлил, изображая задумчивость, а потом вынул из шкатулки флорин:

– Ловите, шалопаи...

– Господин барон! Да я...

– Ваша милость! Да мы...

– Не благодарите. К казначею больше не подходить. Невместно вам. Лучше попросите у меня, но не факт, что облагодетельствую. Узнаю, что в кости играете – накажу, это вовсе пустое занятие. Опять же вам невместное. Лучше в шахматы научитесь играть, остолопы. Что застыли? Берет давайте. Да не тот – черный. И тащите футляры с перьями, раздолбаи. Я вас научу службу служить...

Довольный своим педагогическим талантом, предстал перед зеркалом, являющим собой здоровенный полированный лист металла. Других пока просто не придумали.

Эх, хорош барон! И беретка с павлиньими перьями лихо заломлена. При дворе береты уже давно не носят, а мне все равно – настоящий гасконец берету не изменяет; да и не нравятся мне всякие шапероны с бургиньонами.

На шее золотая цепь с орденом в виде дракона, попираемого крестом. Так и называется – орден Дракона. В числе кавалеров этой награды – сплошь особы монаршей крови, ну и я. Что невероятно льстит. Мне, конечно.

На пальцах – несколько перстней: в отличие от придворных щеголей, я меру знаю, их всего три, но за каждый из них можно купить боевого дестриера. И за каждым перстнем – своя история. Вот этот, к примеру... Хотя я, кажется, уже рассказывал? Словом, ни один из них я не покупал. Два дарены, а один снят с трупа, который я сам же и организовал.

На перевязи – эспада с клинком в виде фламберга. Великой красоты и ценности оружие. Эспаду я взял трофеем, еще в самом начале своей средневековой эпопеи, победив на поединке виконта де Граммона, лейтенанта королевских лучников. Пospорили о достоинствах дам сердца. Впрочем, обошлось без смертоубийства – расстались вполне друзьями. Клинок всего раз в деле побывал. В кондадо Фуа я им дрался с бароном Шарлем д'Айю за сердце Мадлен Французской – Дочери Франции, принцессы Вианской, Андоррской и Беарнской. Редкой красоты женщина! Прирезал, конечно, барона, хотя и он мне дагой ногу пробил. Но все равно из этого поединка ничего не вышло. Обломали меня с Мадлен – вынужден был бежать из кондадо самым постыдным образом. В чемодане...

Эх, горячая пора была! Хотя порой мне кажется, что время это так и не закончилось. Ладно, хватит предаваться воспоминаниям... Стареть, что ли, стал? Точно, стареть – вот же пряди седые проглядывают... Не беда, подкрасим.

Еще раз оглядел себя в зеркало и поправил шевелюру. Патлатый я, шо хипстер, да еще слегка завитый по местной моде. Не подумайте ничего плохого – просто дань времени, ёптыть...

Вот теперь нормально. Худоват, правда, но это дело наживное. Зато бородка, бородка-то какая лихая! На придворных дам действует убойно.

Ну где ты, великий бастард Бургундии Антуан? Знаю же, не просто так тебя ко мне занесло...

Глава 4

– У меня две новости, Жан. – Антуан усмехнулся глазами. – Одна хорошая, а другая не очень. Вернее, совсем нехорошая. Так с какой мне начинать?

Вот так... Прямо как в анекдоте. Но великий бастард его точно не знает. В самом деле, с какой?

– Конечно, с хорошей, ваша светлость. Настроение себе я еще успею испортить.

– Верней, его вам испорчу я! – хохотнул Антуан и отсалютовал мне бокалом из чеканного серебра.

– Я не против, ваша светлость.

– Отличное вино... – Антуан пригубил из бокала. – Случайно не из того бочонка?

И заржал, довольный своей шуткой. А вот мне почему-то не смешно...

Вообще, Антуан славится своим умом и предусмотрительностью. Как по мне, он превосходит в оных своего сводного брата. При этом весьма благородный и рыцарственный вельможа. И вояка прекрасный. У него, в отличие от Карла, хватает благоразумия не лететь в атаку впереди всех на белом коне с шашкой наголо. Но вот шуточки его...

– Жан, вы помните свою просьбу ко мне? – продолжил бастард.

– Конечно, помню, ваша светлость. И неизмеримо благодарен за согласие поучаствовать.

– Пустое, – отмахнулся Антуан. – Вы мне оказали неизмеримо большую услугу. И еще окажете. Так что только рад помочь. Человек, нужный вам, найден. Только вот возникает один вопрос...

Бастард сделал длинную паузу, выдавая свое желание заранее получить мой ответ на свой так и не заданный вопрос. Умен, зараза – в этом ему не откажешь. И какой же вопрос у него возникает? Просил я его разыскать некоего Пьера ле Горжиа. Антуан имеет такие возможности. Тайная служба в Бургундии существует, при этом с весьма развитыми связями во всех странах Европы. А великий бастард, согласно некоторым источникам, если эту службу не возглавляет, то курирует точно. Значит, нашли уroda? Нашли ублюдка, от руки которого пал мой отец?

– Какой, ваша светлость? – поинтересовался я, стараясь не выдать свое нетерпение.

– Отличные пулярки! – проигнорировал мои слова Антуан. – Надо своего бездельника повара отправить к вашему на выучку. Мм... просто отлично!!! Мускат и шафран очень оттеняют вкус...

Я промолчал, хотя готов был задушить скотину. Вернее, не я, а настоящий Арманьяк, прочно поселившийся в моих мозгах. Но и я лично тоже не против услышать хруст плоти убийцы под своим клинком. Есть личный повод ненавидеть ублюдка. Ну рожай скорей...

– Сей человек, будучи в подпитии, хвастал, что собственной рукой лишил жизни последнего графа божьей милостью, а не милостью короля...

– ...графа Жана Пятого д'Арманьяка, – закончил я фразу за Антуана. – Да, ваша светлость. Так и есть.

– Напрашивается вопрос, барон. А зачем вам оный человек? Не в связи ли с вышеупомянутым прискорбным событием?

– Именно в связи с ним, ваша светлость... – Я коротко кивнул. – Долги всегда надо отдавать.

– Вы правы... – задумчиво сказал бастард, медленно и тщательно вытирая пальцы льняной салфеткой. – Надо отдавать...

При этом Антуан буквально пронзил меня своим внимательным взглядом.

И, кажется... кажется, я даже знаю, что он сейчас скажет. Знаю и готов, никаких иллюзий не питаю. Есть закон и непреложная истина: все тайное всегда становится явным. Буде

то в пятнадцатом веке, либо в двадцать первом. Современные люди не стали умнее и мудрее, возможно, наоборот. И я тому не исключение...

– Жан, нужный вам человек сейчас проживает в Бретани – в городе Нанте. Содержит таверну под названием «Пьяная треска», и именуют его сейчас Никола Джулиани. Он ваш. Со мной рекомендательные письма к некоторым особам. По предъявлении адресатам оных вы получите любую необходимую помощь. Либо ее получит тот человек, которого вы отправите вместо себя.

Антуан подвинул ко мне кожаный футляр.

– Это мое личное дело, мессир.

Легкая пауза...

– Я знаю. – Бастард четко выделил это слово и даже повторил его: – Я знаю, насколько для вас важно это дело, поэтому имел смелость выхлопотать вам два месяца отпуска. Скажем так... для окончательного излечения. По истечении данного времени необходимо вернуться, ибо грядут дела, при которых ваши таланты окажутся востребованными. И еще... Наш сюзерен тоже понимает, насколько барону ван Гуттену важно заплатить этот долг. И понимает лично вас. И всегда понимал причины, вами движущие.

– Благодарю, мессир. Я хочу, чтобы вы знали: в моем лице вы всегда найдете своего преданного сторонника и друга. Большого не могу сказать, но то, что прозвучало, – истинно, как наша вера в Иисуса Христа!

– Большого и не требуется, – спокойно ответил Антуан и элегантно сменил тему разговора: – Так что там на десерт? Ла Марш хвастал, что пробовал у вас какие-то необыкновенные профитроли...

Как там говорят – дурень думкой богатеет? Это как раз про меня. Конспиратор, млять... Думаю, Карл все понял еще при первой встрече. Ну не мог он не знать бастарда д'Арманьяка в лицо. Вместе же пинали Паука в Лиге общественного блага. А я... Дурень, одним словом.

А каково благородство герцога?! Он принял мое решение начать все с чистого листа и даже словом не выдал себя, уважая мое инкогнито. И Антуан под стать своему брату – даже сейчас мои истинные имя и титул не прозвучали. Теперь понятно, чем отличаются великие сего времени – благородством и рыцарственностью. Черт... вот как домой попал. Мое время! Не хочу в двадцать первый век, плевать мне на бритвы «Жиллет» – я и своим кинжалом неплохо обхожусь, а к шоссам и брэ вполне уже привык. И с дамами, волосатыми аки звери лесные, тоже свыкся. Право дело – пустяки какие. Пустое! Главное – я могу быть самим собой!

Мы продолжали обедать, неспешно поддерживая разговор на отвлеченные темы. Жеребцы, достоинства доспехов толедской и миланской выделки, клинки из Золингена, вино, дамы... Да, именно в этой последовательности. Выяснилось, что я могу оказать бастарду пустяковую для меня, но важную для него услугу. Требуется отвезти и передать депеши определенным людям в Кале, Ла-Рошели и Нанте. Кстати, Антуан пообещал написать несколько рекомендательных писем к влиятельным дворянам этих городов, что будет очень кстати – не вечно же мне воевать, коммерция тоже вполне по душе. Опять же кораблик мой простаивает. Правда, дворянам торговать в нынешнее время невместно, можно за подобное и чести лишиться. Но этот запрет очень легко обходится. Насколько мне известно, многие мои нынешние современники благородного происхождения совсем не чураются подобного занятия. Через подставных лиц, конечно. А я чем хуже?

Чувствовал себя... даже не знаю, с чем сравнить... как на крыльях, что ли? Как будто полную индугенцию получил! Настроение просто взлетело до небес, но все же оставалась некоторая настороженность. С хорошей новостью мы разобрались, но Антуан упоминал и о плохой...

Хотя... Плевать мне на нее с высокой башни.

– Как вы думаете, Жан, сколько стоит ваша голова? – неожиданно поинтересовался Антуан.

Вопрос застал меня немного врасплох и, честно говоря, здорово ошеломил, но виду я не подал и ответил с легким поклоном:

– Смотря для кого, мессир. Как для меня – так она бесценна. Но думаю, если кто-нибудь решит за нее установить награду, то она вряд ли будет стоить более сотни золотых.

И насторожился. Насколько я понимаю, Антуан решил явить на свет плохую новость. Если судить по началу, то просто отвратительную...

Великий бастард слегка усмехнулся уголками губ:

– Я всегда считал вас, барон, необычайно проникательным человеком. И вижу, что не ошибался. Что вы знаете про Лигу мастеров клинка?

– Почти ничего, мессир. Одни слухи, недостойные упоминания, – ответил я и еще больше насторожился.

Чем дальше в лес, тем толще партизаны. Слышал я про эту полумифическую организацию. Говорили о них как о братстве учителей фехтования. На самом деле братство обычных профессиональных бретеров, читай – убийц, которые частенько брались за весьма деликатные дела, не требующие огласки. Все просто и элегантно: намеренно спровоцированная ссора, поединок, объект вполне законно на небесах, а вознаграждение – в кармане. Кстати, мастер Понс из Перпиньяна как раз в этой Лиге и состоит.

– Данная организация существует, – коротко констатировал Антуан, – и слухи про нее по большей части верны, хотя, как и водится, значительно преувеличены. Мне донесли, что вас и вашего доблестного эскудера пытались заказать им. Заказать, как барона ван Гуттена и юнкера Уильяма ван Брескенса. С упоминанием всех примет и прочего. Разговор этот происходил в Сарагосе три месяца назад. К сожалению, заказчик нам неведом, хотя и известно, что это лицо неблагородной крови и предположительно происходит родом из наших фландрских земель. Об этом свидетельствовала особенность произношения. У вас, Жан, есть мысли по этому поводу?

– Благодарю, мессир. – Я коротко поклонился бастарду. – Как говорится – предупрежден, значит, вооружен. Особых мыслей по этому поводу у меня нет. Право дело – это может быть кто угодно...

Отвечая, я лихорадочно прокручивал в голове список кандидатов на личность заказчика. Прецедент уже был... и не один. Я о дуэли на свадьбе Логана и попытке отравления. Но бастард говорит, что разговор был всего три месяца назад, значит, дуэль в сторону. К тому же там умирающий убийца назвал меня бастардом, значит, ему была известна моя истинная личина. А здесь заказывали как барона ван Гуттена. Причем вместе с Логаном. А скотта какими делами? Задача, однако...

А если это?.. Твою же кобылу в дышло! Да это же Рафа! Сучонок Рафа! И к отравлению он вполне может быть причастен. Однозначно он, мерзкая рожа... Отлично! Отправляюсь в баронию, отрезаю швайнехунду уши, а потом морем, на шебеке, уже далее. Тем более что так будет быстрее и удобнее...

– Что ответили на предложения, нам тоже неизвестно, – продолжил Антуан, – но отталкиваться стоит от того, что его приняли. Сумма упоминалась более чем достойная...

Далее разговор касался только этой темы. Бастард со знанием дела дал мне несколько толковых советов, мы обсудили все детали поручения и мой маршрут, после чего Антуан откланялся, заверив в дружбе и благосклонности. И не только своей...

Проводив гостя, я закрылся в кабинете. Очень многое надо обдумать... и еще раз обдумать. Расстелил карту на столе и плеснул себе немного молодого анжуйского вина. Итак...

Придется опять примерить личину шевалье де Дрюона или шевалье де Сегюра. А то и обе попеременно. Сами понимаете, светить свое баронство в свете последних новостей

не вполне благоразумно. Постараюсь проскользнуть серой мышкой, быстро и незаметно. Бретань – еще не официальная вотчина Паука, но влияние его там весьма велико.

Тук остается за меня – службу тянуть. Тогда с кем я отправлюсь? Совсем без спутника нельзя. Невместно, да и небезопасно. Иост или Клаус? Обоих – слишком приметно. Иост или Клаус? Вот же черт... Клаус, скорее всего, – парень не по годам силен, даже Туку придется попотеть с ним в тренировочных поединках на алебардах и прочем дреколье. Опять же...

Раздался робкий стук в дверь.

– Да... – Я приготовился обрушить свой гнев на того, кто нарисуетя в кабинете.

Как посмели господина от важных мыслей отрывать? Сюда дозволено вторгаться только Туку, и никому боле.

– Господин... – В кабинете появилась стройная, худенькая – практически невесомая – девушка в темном закрытом платье, поставила поднос на столик и сразу же стала на колени.

Не получится наорать. Это Земфира. Красивая немного странной диковатой красотой, совсем юная девушка. Та самая девчонка, которую я освободил из заточения. Она выжила, хотя на это уже никто и не надеялся. Отправить на все четыре стороны рука не поднялась. Зачем тогда освобождал, спрашивается? Да и идти ей совершенно некуда. Пришлось оставить при себе. Ох и выйдет мне когда-нибудь боком моя же доброта. А потом, когда она наконец заговорила, выяснилось...

Выяснилось, что Земфира – сарацинка, а точнее, сирийка. Внешне она не очень похожа на арабку, что вполне объяснимо: мать Земфиры – славянка, а точнее, русская из Твери. Наложница, а позднее любимая жена Гассана ибн Зульфикара – богатого и влиятельного купца из Алеппо. Каким образом Земфира оказалась замурованной в христианском монастыре? Ее история заслуживает отдельного подробного рассказа, а пока проясню вкратце. В чем-то история эта похожа на эпопею моих негрил...

Корабль, на котором отец отправил ее к родственникам в Александрию, захватили португальцы. Обычное дело. Христиане с правоверными одинаково пиратствуют, а их всех нагибают при случае полудикие берберы. После чего сирийку насильно крестили, а дальше, опять же против ее воли, монастырский постриг – и девушка, прямо как по этапу, начала путешествие по застенкам европейских монастырей. Млять, прививали ей мракобесы веру христианскую. Имея несгибаемый и в чем-то буйный характер, смиряться она не собиралась. В итоге, конечно, доигралась. Конечно, в этой истории есть темные пятна, вряд ли она говорит полную правду, но допрашивать ее с пристрастием я не собираюсь. Зачем?

– Встань, Земфира. – Я подошел к девушке. – Сколько раз тебе говорил: ты не служанка и не рабыня...

– Я твоя рабыня, господин! – горячо возразила сирийка и прижалась губами к моей руке. – Моя жизнь принадлежит только тебе...

Вот черт знает что. Как же сейчас не до тебя, родная...

– Я приказываю, Земфира.

Девушка наконец встала и, потупившись, сказала:

– Почтенная Лилит прислала тебе, мой господин, вечернее питье.

– Передашь ей мою благодарность. А теперь присядь. – Я показал сирийке на софу. – Присядь и расскажи: как вас устроили, нет ли в чем нужды?

Земфиру взяла на свое попечение цыганка, а я в свою очередь отдал им для проживания отдельный флигель и выделил средства на обустройство. Просто я обязан Лилит по гроб жизни, хотя она ничего не требовала и не требует. К слову, цыганка совсем не похожа на привычных мне ее современных соплеменниц. Статная пожилая женщина со следами былой красоты на лице. По виду – вполне испанских кровей, по манере одеваться – тоже. Исповедует христианскую веру, причем показательно набожная. Умна, именно умна, без присущей цыганам хитрости. Или с присущей, но мною не замеченной. Но все же она цыганка – этого не отнять.

А еще я успел прикипеть к ней за время болезни. А она ко мне. Как-то, вынырнув из беспмятства, обнаружил, что цыганка поет мне колыбельную...

– Нет ни в чем нужды, твоей милостью, господин... – торопливо зашептала девушка, присев на краешек софы, и опять попыталась поцеловать мою конечность.

Да что же это такое?! Надо как-то объясниться, что ли...

– Зачем ты все время целуешь мне руку?

– Это выражение преданности! – убежденно заявила сирийка. – Ты спас мою жизнь – теперь она твоя.

– Пустое, Земфира. Тебе придется привыкнуть. У нас женщины не целуют руки мужчинам. Если те, конечно, не церковного сана. Совсем наоборот... – Я без особого умысла прикоснулся губами к ручке сирийки. – Вот так...

– Господин!!! – В громадных миндалевидных глазах Земфиры забушевало пламя, девчонка мигом соскользнула с диванчика и прижалась к моим ногам. – Ты не должен так поступать! Я недостойна!!!

М-дя... Педагог хренов. Почему недостойна? Да и ладно... Пусть выражает свою признательность как хочет. Вот не чувствую я к ней ровным счетом ничего. Красива, конечно, чертовка, – слов нет, но вроде бы закономерные чувства не возникают. Даже обычное мужское желание. Почему? Во-первых, молода она еще: считай, совсем ребенок. А во-вторых... Даже не знаю. Может, пресытился бабами уже? Да и не до нее сейчас. Понятно, что сирийку надо как-то переправить в Алеппо и, возможно, поиметь за это множество предпочтений среди тамошних купцов, но как? На самолет не посадишь, а самому переться туда – совершенно глупая затея. Живо какой-нибудь рынок невольничий украсишь драгоценной персоной. Но думать об этом буду потом, совсем потом... скорее всего, в четвертой книге... Книге?.. Какой книге? Совсем уже зарпортовался барон.

Быстро спровадил девчонку, пообещав наведаться к ним во флигель, и вернулся к карте. Значит, так... М-да... Это тебе не круиз по Лазурному побережью совершить. Франция как единое государство появится очень не скоро.

А пока предстоит вихрем промчаться по...

Нормандии! Считай, Паукова вотчина...

Бретани! Тут дела получше, пока плюют на Луи с высокого барбакана.

Да Кале посетить – пока еще аглицкий. Но это в самом начале путешествия.

Да не собственного развлечения ради, а вполне по государеву делу. Хотя вру: в Бретани – ради собственного. Ох и на славу развлекусь...

Глава 5

Но не сложилось... Черт... я уже ощущал вкус губ Матильды. Персеван практически с седла снял, объявив приказ срочно явиться ко двору. Закончилась формальная опала. Война... опять война. Карл решил нагнуть швейцарцев. Совсем они охамели, даже захватили Савойю – исконную вотчину Бургундии. М-да... накрылся отпуск...

Как-то все странно... Насколько мне известно, швейцарская конфедерация присылала послов с предложением навечно замирииться. Причем обещала в любое время поставлять своих знаменитых вояк в войско герцога. Совсем за мизерную плату. Так нет... простите за тавтологию: послал Карл посольство. Нет, я все понимаю: кантонцы совсем недавно практически опустошили границы Бургундии, вырезав подчистую не один городок. За такое наказывать надо, но, черт побери, общая политическая обстановка совсем не складывается в пользу Карла. Даже я, вовсе не сведущий в европейской политике человек, понимаю это. Вот недавно Сигизмунд Австрийский прекратил вековую рознь и признал швейцарскую конфедерацию. Мало того, он подписал с ними договор о взаимопомощи. Простая арифметика: нам придется встретиться в бою не только с тупыми швейцарскими головорезами, но и с австрияками, которые в данное время на одну руку мылят с Всемирным Пауком против Карла. Опять же подзуживаемый Пауком Рене Второй спит и видит, как вернуть Лотарингию...

Черт... мне, конечно, лестно служить герцогу, которому искренне симпатизирую. Но... но все чаще мне кажется... Ладно... мои сомнения – это только мои сомнения. Делами нужно заниматься.

– Лейтенант, объявить перед строем: если кто-нибудь из солдат моей роты войдет в город, то сразу же будет повешен. Мы в этом не участвуем!

– Как прикажете, капитан! – Логан отсалютовал и, вздыбив жеребца, помчался в расположение.

Млять! Я взбешен! Нет... Я просто вне себя! Это не война... Зачем? Город сдался, оружие сложили...

– Барон... – раздался рядом слегка насмешливый, срывающийся на дискант прерывистый басок, – предлагаю дополнить ваше распоряжение: прикажите солдатам коллективно постричься в монахи. Право дело...

Я проводил глазами очередного защитника Грансона, нелепой куклой слетевшего с крепостной стены прямо на колья, торчавшие во рву, и обернулся.

Наглая, судя по всему – британская морда. Прыщавый юнец, но размером велик. Эдакий детина. Коттдарме какой роты?.. Ну да, бело-красный фон, перечеркнутый Андреевским крестом. Двадцать первая рота кондукто Джона Миддлетона. Именно его бриты вместе с ломбардцами сейчас вырезают сдавшийся гарнизон Грансона. Вместе с жителями...

– Потрудитесь представиться.

– Эдвард Бошан, десятый сын графа Вустера, лейтенант лучников кондукто Джона Миддлетона, – с легким поклоном ответил брит.

М-да, более напыщенного ответа я еще в жизни не слышал.

– Барон ван Гуттен. Мы знакомы, Эдвард Бошан, *десятый* сын графа Вустера? – Я сделал акцент на потомственном номере наглого бритта.

– Нет! Мы не знакомы! – Англ гордо вскинул рыжую башку.

Так гордо, что забрало его салада съехало вниз и заклинило.

Я дождался, пока юнец опять явит свое обличье, и нейтрально поинтересовался:

– Если мы не представлены, то тогда что или кто дает вам право со мной заговаривать, Эдвард Бошан?

– Мне не нужно ничье разрешение...

Юнец не договорил. Потому что подъехавший к нам его непосредственный командир Джон Миддлетон с ходу засыпал своего лейтенанта приказами и отправил наводить порядок среди бесчинствующих в городе английских лучников. Затем Джон обеспокоенно обратился ко мне:

– Жан, я надеюсь, ничего непоправимого не случилось?

– Вы вовремя, Джон. – Я устало кивнул своему старому знакомцу. – Но потрудитесь объяснить своему лейтенанту, что с такими манерами он недолго проживет.

Честно сказал. Вот ей-богу, не в настроении я заносчивых юнцов на место ставить, но, если придется, – зарежу и не поморщусь. Хреновато себя чувствую, да и вообще, грех на душу не хочется брать. Даже обрадовался тому, что моя рота не будет в приступе Грансона участвовать. Ну и в последующей вакханалии тоже.

– Ох уж эти юнцы... – облегченно вздохнул англичанин. – Ф-фух... слава богу, еще чуть-чуть – и я лишился бы своего лейтенанта и сына хорошего друга...

– Не берите в голову, Джон. Приглашаю вас ко мне в шатер на ужин. Насколько я понимаю, большой совет случится только завтра поутру, поэтому мы успеем...

Я не договорил, потому что в мой горжет с лязгом ударила стрела, а в полусотне метров впереди, в густых кустах, произошло какое-то движение и мелькнула белая котта...

Чуть не вылетел из седла – удар оказался сильным, да и неожиданность роль сыграла. Но ноги сразу дали шенкелей, и Роден, скакнув как камень из пращи, понес меня по направлению к стрелку. Блеснула выхваченная из ножен эспада, и... ничего; перед кустами, как назло, оказался овражек.

Иост и Клаус рванули по дуге в обход оврага. Черт... неужели упустим?..

– Жан, сюда! – донесся возбужденный рев Миддлетона.

Покрутил головой и увидел спешившегося бритта в десятке метров правее. Англ, рыча аглицкие матюги, кого-то нещадно пинал, лупил плашмя тесаком, грозясь зарубить и вообще всякого разного нецензурного позору на оппонента навести.

Ну да – этот может... Сука, неужели сейчас станет ясно, кто против меня мутит?..

Соскочил с Родена и узрел непонятное тельце в котте роты того же Миддлетона, закрывающееся руками от ударов своего командира.

– Стой, Джон... – Я оттащил в сторону входящего в раж бритта и взял за грудки тощего усача с уже здорово расквашенной мордой. – Говори, сука, кто заказал. Говори, padla! Порву на куски, ugod!!!

– Он! Он приказал! – Палец стрелка совершенно точно указал на моего старого знакомого Джона.

– Да я тебя! – Бритт занес меч и осекся, увидев мой взгляд. – Жан! Неужели ты думаешь... Песец! Не может быть... Не верю...

– Я ничего не думаю, Джон... – Я притянул к себе стрелка. – Четко и ясно: кто тебе приказал в меня стрелять? Хочешь на дыбу, урод? Я тебе ее устрою...

– По его приказанию!!! Мне передали его приказ...

Ф-фух... Знаете, как отвратно видеть в своем товарище предателя? Млять... а я уже было поверил...

– Кто передал?

– Эдвин!!! Эдвин Косое Брюхо!.. Мой десятник!!! – завопил лучник, со страхом косясь на острие кинжала. – Задатку два золотых дал. Молвил: ваше поручение, господин капитан...

– В распоряжение его... – бросил я пажам и вопросительно посмотрел на Миддлетона. – Джон...

– Через час, Жан... – Бритт уже сидел в седле. – Через час этот Эдвин будет у тебя. Клянусь мощами святого Гумбольдта...

Даже с подпаленными боками лучник не сказал ничего нового. Якобы подошел десятник и, показав туго набитый кошелек, предложил подстрелить вон того кабальеро на холме. На дестриере, с подзорной трубой и черно-фиолетовым плюмажем. Приказ самого кондукто, как раз он сам с этим кабальеро и беседует. Типа специально под выстрел подвел. Целился, паразит, прямо в глаз, но чутка оскользнулся, и стрела тукнула в стальной горжет. Лук – не арбалет... к моему счастью. Мама...

– Капитан... – В шатер вошел постовой. – Там, значится, бритты пожаловали... и много разных...

– Этого пока оставьте в покое, – скомандовал я профосу и вышел на двор. – Святые грешницы, Джон, что за...

Картинка и правда занимательная...

В рядок лежат три трупа: двух бриттов и один женский, с отсутствующей головой. Дальше два увечных стрелка: первый стоит, опираясь на дрючок, а второй лежит, постанывая, на дерюжке; здесь же сам Джон с каменной мордой и босоногий полупьяный капеллан со святыми атрибутами: Евангелием и распятием в руках. Да все офицеры его роты выстроились как на параде...

– Господин барон... – Миддлетон шагнул вперед и сделал официальный поклон, – произошло досадное недоразумение. Я готов его прояснить и, в случае вашего неудовлетворения сим прояснением, ответственность вам на суде чести под порукой Господа нашего. Бенджамен, начинайте...

Один из офицеров показал тростью на стрелка с ногой, замотанной окровавленными тряпками, и опирающегося на корягу. Лучник проковылял вперед и смачно поцеловал подставленное капелланом распятие. Потом положил руку на Евангелие и, гулко кашлянув, начал говорить:

– ...Э-э... Значица, клянусь Святым Евангелием говорить правду и одну только правду... Значица, мы с Фомой... ну-у... его еще Безносый кличут... – Англ обернулся и показал на крайний труп: – Так вот... значица, нашли мы вот эту кралю...

Теперь бритт указал на женский труп.

– ...нашли в подвале... только она тогда еще живой была... и начали употреблять... ну-у, как водится... по назначению, значит. Только по первому заходу сделали, как заявился Эдвин Косое Брюхо с Длинным Мерлином...

Грязный палец ткнул во второго мертвеца, а затем на раненого.

– ...кх... и грят: делитесь или мы ей сейчас башку срубим...

Капеллан вдруг оживился и толкнул раненого. Тот взвыл и забормотал:

– Истину глаголет Фуллер... истину... Они давеча нам с Брюхом в кости проигрались... Доминиканец еще раз пнул несчастного, но теперь давая сигнал замолчать.

– Во-во... – согласно закивал головой первый докладчик. – Грят, платите или девку забираем. Ну а мы... эта... ну... в общем, послали их... Тогда Брюхо взял и срубил голову девке. А Безносый... не я, а он это, клянусь святым Варфоломеем... взял и двинул мечом по башке Брюху. А Длинный... А я потом... А мы... А он... Вот...

Я смотрел на все это безобразие и не знал: плакать мне или смеяться. Не иначе лукавый шутит. Вот же он, явный свидетель – казалось, прямо в руках... И на тебе... Твою же кобылу... Мне что, теперь в доспехе даже в сортир ходить? Однозначно Джон к покушению не имеет никакого отношения. Но мне от этого совсем не легче... Млять, а кто? Сегодня повезло, а завтра может и не свезти. Сука... что же делать?

– Удовлетворены ли вы, господин барон, сими обстоятельствами и прояснениями?..

М-дя... удовлетворен ли я? Да ни хрена... но ничего не поделаешь. Джон явно ни при чем, а доводить дело до поединка с ним – глупость первостатейная. Да и Карл... Млять...

Криво улыбнулся Джону и кивнул:

– Да, я полностью удовлетворен. Мое приглашение остается в силе. Прошу в мой шатер. И это... не будете ли вы возражать, если мои люди еще побеседуют с этими... вашими...

Англ оттаял лицом и великодушно махнул рукой:

– Легко... но только до казни...

Я только сейчас заметил, что профос с подручными вязали бриттам руки. Ну да... за резню между собой по головке не гладят. Да, собственно, сейчас за все воинские преступления – одно наказание. Гауптвахты как таковой пока не существует. Вместо нее – виселица, а то и плаха. Но плаха положена лицам благородного происхождения, так что повесят сушиться уродов на мартовском солнышке. Да и поделом...

– Жан, тут еще это... – Джон подозвал к себе того самого юнца, пытавшегося мне сегодня нахамить. – Лейтенант Бошан хочет сказать вам пару слов. Явите милость его выслушать. Это моя личная просьба.

– Господин капитан... – Парень, отчаянно смущаясь, очень завуалированно попросил прощения. Явно не своими словами – кто-то подучил. Может, и сам Джон. Пацан явил собой полное смирение и раскаяние. И еще плохо прикрытое восхищение моей персоной.

Вразумили уже парня. Ну да... я такой... слухи о Бароне Жестокие Клинки уж вовсе жуткие ходят. Да и о моем особом положении при дворе – тоже. И о фаворитстве у государя... Да и ладно. Вроде неплохой малыш. Неотесанный, правда. Прощаю, не жалко...

– Пустое, Эдвард. Если ваш командир не возражает, можете остаться с нами отужинать.

Парень просто вспыхнул огнем от радости, а Джон не стал возражать. Эдвард оказался его дальним родственником и к тому же сыном лучшего друга и формального сюзерена.

Ужин ожидаемо смазался. Я, зараза, еще толком напиться не могу – свято соблюдаю диету, предписанную цыганкой. Сидр – бульон – травяные настойки, травяные настойки – бульон – сидр... Осточертело уже.

Немного порадовали Хорст и профос. Дознаватели, ёптыть... Выяснилось: покойный заказчик моей персоны общался намеренно с каким-то ломбардцем. Но вот с каким? Это так и осталось загадкой. Их, этих ломбардцев, в войске тысячи три... Граф Галеотто руку приложил? Или набивающийся ко мне в друзья Кампобассо? Вот же хрень...

Ночью не спалось. В голову лезла всякая дрянь. Закончилось тем, что я с адски болевшей башкой стал подозревать всех и вся. Так и свихнуться можно... Плюнул и принял ложку настоя опия, который под моим наблюдением соорудили на случай ранений и всяких травм. Для меня же. Типа наркоз.

И вырубился...

Ну вот, уже наркоманить начал...

Хочу домой...

К Матильде под бочок...

Навоевался...

О-о-о... розовые слоны полетели...

А утром, на совете, выяснилось, что к Грансону идут две колонны швейцарцев. И они играючи сбили наш авангардный пост и осадили замок Вомаркюс, взятый позавчера Жоржем де Розюмбо, командиром гвардейских лучников.

Глава 6

Интересно, отразят ли в будущем историки это сражение? Вот что-то я не припоминаю битву при Грансоне. Хотя и неудивительно, я-то и про остальные ни хрена не знаю. Вот как-то не интересовался историей в своей прошлой жизни. Вру... Бородино и Ледовое побоище не забыл. Но от этого мне не легче.

Итак... швейцарцы уже хорошо заметны даже невооруженным взглядом. Идут тремя баталиями. Рядом с первой, под названием форхут, идет вторая – гевальтшауфен. Она держится левее и немного позади. А третья – соответственно наххут – совсем сзади. Наххут предназначен для оказания помощи двум первым и порой даже не ввязывается в свару, ожидая удобного момента.

Блестят латы у великанов-допельсольднеров первого ряда, частокол длиннющих пик и алебард. Множество знамен, вымпелов, значков. Ни один кантон, клан и даже семья без своего стяга в бой не пойдут. И, конечно, огромный красный флаг с белым крестом посередине – знамя древнего германского союза.

Швейцарцы прут, бормоча в такт шагам какую-то незатейливую песенку. Что-то вроде: «...трах-трах-тибидох, мы щас всех порвем...» Я, конечно, ее не слышу, но про песенку знают все. Меломаны, мля...

Кое-где мелькают конные рыцари, но таких абсолютное меньшинство: на двадцатитысячную армию едва с полсотни наберется. Хотя многие риттеры идут пешим ходом в фаланге – не брезгают стоять плечом к плечу с горцами и козопасами. Швейцарцы, одним словом...

Генеральная диспозиция бургундской армии известна. Сейчас форхут польют стрелами и болтами. Затем понесутся в атаку конные жандармы. По идее подразумевается, что они расстроят фалангу, после чего вступит в дело наша пехота и артиллерия. Они, кстати, только подтянулись, не успевают занять позиции. Как раз жандармы дадут им необходимое время. Как бы и нормальная диспозиция, вполне выигрышная. Но, кажется, кретъены с этим категорически не согласны...

А ваш покорный слуга, как и всегда в последнее время, осуществляет со своей ротой прикрытие ставки. Не пускает Карлуша нас воевать. Собственно, и не предназначена для этого лейб-гвардия. Да я особо и не огорчаюсь – побуду наблюдателем. С холма открывается завораживающая панорама. Озеро Невшатель с водами темно-изумрудного цвета, склоны гор увиты виноградом. Да... Швейцария – реально красивая страна. Никогда не переставал удивляться. Тем более природа здесь еще совсем не испорчена цивилизацией. Все в дико-первозданном виде. И население дикопервозданное. Хотя и грамотное в военном деле...

– Ох и ладно стервецы идут... – похвалил я швейцарцев. – Тук, видишь?

– Да, монсьор. Их даже поболее, чем нас, будет... – высказался Логан. – Хотя какая разница? Больше – меньше... все равно порубим. С божьего благословения...

– Это точно... – Я не разделил оптимизма Тука, но вслух свои опасения не высказал.

– Опять без нас, монсьор... – буркнул с недовольной рожей Логан. – Я вот, право, не понимаю. Может, прогневили государя чем?

Ну да... в расстройстве лейтенант лейб-гвардии юнкер Уильям ван Брескенс. Не пускают его воевать, а следовательно, лишают дополнительного заработка в виде трофеев. А то, что эти горные козопасы могут его на буйную головушку укоротить, – скотта как бы и не беспокоит. Шотландец, одним словом.

К слову, швисы пленных не берут. Ни знатных, ни простых солдат. Недосуг им с выкупками возиться. Обдерут все ценное – и алебардой по башке. Могут еще чего позатейливее выдумать. К примеру, защитников бургундского городка Штеффис они просто перетопили как котят.

Глянул на своего лейтенанта. Красавец, однако. Верхом на добром андалузце в справном конском доспехе. Увесистая клеймора в чехле при седле. Логан недавно приобрел по случаю полный кастенбруст с богатой золотой чеканкой и выглядит более чем солидно. Правда, как всегда сэкономил на ремонте, и кирасу здорово портят грубые заплатки – прежнего владельца кто-то щедро охаживал клевцом. И на армете вмятина едва выправлена.

– Ты чего, скупец, денег на ремонт пожалел?

– Так заметно? – Тук скосил глаза на заплатки. – Вроде ничего, монсьор.

– Ладно, сойдет для сельской местности... дай отмашку явить ко мне мэтра Пелегрини. Хватит ему со своими канонирами языками чесать.

Опять глянул в подзорную трубу... Ну да, началось уже. Палят лучники и арбалетчики вовсю.

– Не, ты смотри, как идут, сволочи! – Я вслух восхитился действиями стрелков.

Швисы просто переступали через своих убитых и раненых и неумолимо перли вперед. Создавалось впечатление, что их поливали теплой водичкой, а не болтами с гранеными наконечниками.

Интересно у них построена фаланга. Первые пять рядов вооружены длинными – по пять с половиной метров, пиками. Да еще сам наконечник с треть метра. Середина баталии – с алебардами, двуручниками и люцернскими молотами. М-да... сами понимаете, что будет с тем, кто прорвет первые ряды. Но вооружение – это не самое страшное. Сила швейцарской фаланги – в ее маневренности. И баталии не зря так странно расположены. В случае необходимости они могут с легкостью помогать друг другу, отражая фланговые удары. Не знаю, кто из швейцарцев такое придумал, но он явно военный гений.

– По вашему приказанию, капитан. – Возле меня осадил лошадку мэтр-бомбардир Пелегрини.

– Сколько у вас картечных выстрелов на каждое орудие, мэтр Рафаэлло?

– По пять капитан, но это при орудиях. Можем подтянуть резерв, и получится еще столько же. Делов-то – с бочек крышки сбить... Прикажете?

– Приказываю. Но это уже после того, как вы установите по три орудия вот здесь и здесь... – Я показал ломбардцу на возвышения по бокам дороги. – Орудия зарядить, ждать команды. Направление выстрела... ну это вы и сами понимаете.

– Вы думаете, капитан?.. – Мэтр Рафаэлло не договорил, но по выражению его лица мне и так стало понятно, что хотел сказать ломбардец.

– Нет, мэтр Рафаэлло. Я так не думаю, но могу предположить все что угодно. Выполняйте приказ.

В самом деле, а какого хрена я перестраховываюсь? Отправил ломбардца и прислушался к себе. Да нет – никакой особой тревоги или внутреннего беспокойства не ощущаю. Тем более предчувствий. Тогда что? А хрен его знает... Ладно, видно будет.

Что там? Ничего себе... Кантонцы начали отгавкиваться, причем не только арбалетами, но и огнестрелом. Ветерок сбивает с наступающей фаланги грязноватые комочки дыма. Ты смотри, и до них прогресс докатился... Но слабо, очень слабо... в таком количестве – толку от этих ручных кулеврин ровным счетом никакого...

Гулко задрожала земля – это рядом пронесли конные жандармы. На первый взгляд может показаться, что никто не сможет устоять против закованных в железо громадин. Жуткое и одновременно красивое зрелище. Но это только на первый взгляд...

Карл решил ускорить их выступление: похоже, из-за того, что артиллеристы совсем замешкались. Эдак вовсе подведут под цугундер...

Черт, вот все не как у людей... Окружить лагерь рогатками и рвами, установить грамотно орудия – и можно, особенно не напрягаясь, методично расстреливать конфедератов. Тем более

орудий у нас почти сотня – это против двух швейцарских. С головой хватит. Так нет, рыцарственно ринулись навстречу врагу...

Но у меня, как вы догадываетесь, никто совета не попросил. Карл планирует диспозицию лично сам, и я никому не советую ему перечить в это время. Ну а мы, верные его вассалы, обязаны гениальные замыслы исполнять беспрекословно. Даже если они... Но не будем о плохом.

Понеслись жандармы... Кто там впереди на лихом коне? Синее знамя с орденом Золотого Руна и щитом, по четвертям которого расположены горны? Да это же Шатогийон! Рыцарь Золотого Руна, Луи де Шалон, сеньор де Шатогийон... Что могу сказать – лихой рубака, благородный кабальеро, но... этого может оказаться мало. Хотя загадывать не буду. Глупцом и излишне самонадеянным Луи никогда не был.

– Тук...

– Да, монсьор?

– Вот как бы ты сейчас действовал на месте государя?

Логан удивленно крикнул, помедлил немного, рассматривая из-под ладони поле боя, и заявил:

– Грешно себя на место государя ставить, но вам скажу, монсьор. Я бы этих петухов ряженных точно не посылал бы. Стенка на стенку, пешая баталия на пешую баталию. Предварительно, конечно, этих уродов болтами и жеребьями качественно проредить. А уже потом фанфароны в действие пойдут. Значица, добывать...

– В чем-то ты прав, братец... – Я подумал, что в стратегии Логана есть свой резон.

За исключением того, что швейцарцев никто еще толком не смог победить в пешем строю. Случилась у них как-то накладка: кажется, с итальянскими кондотьерами, но тогда их было раз в пять меньше. А в равном количестве – ни у кого пока не получалось.

М-да... остается уповать только на Господа Бога. Да и на кого еще уповать, если, по слухам, швисы вполне сознательно лезут на копыта, чтобы прорвать строй неприятеля! Как там его... Винкельрид? Ну да: так, кажется, звали того швейцарского рыцаря, который в битве при Земпахе стал основоположником такого ужасающего приема. Панигаролла намеренно рассказывал. Ужос и страх господень – и как с ними воевать?

Нацелился подзорной трубой на поле боя. Конница разделилась на две колонны и атаковала форхут с разных сторон.

Черт, а я не прав был... грамотно работает Шатогийон. Сдуру не ломятся в фалангу, снесли несколько пик, перестроились и опять ударили, но уже в другом месте. Черт... красиво же! Слаженно и грамотно. Еще удар... Опять перестроились и наскочили с разных направлений... А действует, действует такая тактика! Конфедераты пока успевают перестраиваться, но уже начинают мешкать, и продвижение почти остановилось.

Вот же зараза: ловлю себя на мысли, что сам не против среди жандармов оказаться. Дурной пример заразителен...

– Пробили, монсьор! Пробили! – вдруг заорали в голос Иост и Клаус. Пацаны залезли на деревья и оттуда комментировали ход битвы.

– А ну рты закройте! Сглазьте еще... – рыкнул на них Логан и размашисто перекрестился.

Точно прорвали! Ударили прямо в угол строя – швисы не успели среагировать. Есть! Развалили форхут! Синее знамя уже в баталии, прямо в центр прет Шатогийон...

– Давай, давай... – прошептал я и тоже перекрестился. – Похоже, пронесло... Стой! Стой! Какого хрена?!

И от ужаса я чуть не прикусил губу. Швейцарцы умудрились сомкнуть строй, заперев часть жандармов в середине форхута, а вторая баталия конфедератов, ускорившись, отогнала остальную бургундскую конницу в сторону. Но как?

Синее знамя упало, фаланга опять неотвратимо покатила к нам. Млять... да что за хрень?

– Монсьор! Да что же это делается! – в сердцах проорал Тук. – Куда они прут?

Конница, повинаясь реву сигнальных труб, стала откатываться вправо и назад, освобождая сектор обстрела для артиллерии, и вдруг неожиданно сорвались с места пехотинцы. Только они пошли не в атаку, а побежали вспять, оголяя позиции канониров.

– М-мать!!! – Я приметил, как несколько кондюкто ринулись наперерез своим людям, но ручейки пехоты, обтекая их и все ускоряясь, неумолимо понеслись в сторону Грансона. – Тук, но почему? Козопасы до них даже не добрались!

– Матерь Божья, матерь Божья... – Логан непрерывно крестился.

Кантонцы страшно взревели – рев донесся даже до нас – и перешли на рысь, с легкостью подминая отдельные группы стрелков, продолжающих вести по ним огонь.

Рявкнули орудия, поле боя затянуло дымом, а когда он рассеялся, красные штандарты конфедератов уже мелькали на оружейных позициях...

– Все... – прошептал Логан и потянул из чехла клеймору.

– Скажешь «все», когда твоя башка будет торчать на алебарде! – в сердцах заорал я на скотта. – Строй людей, как я тебе говорил. Команды отступать никто не давал. Бейте колья, собирайте рогатки, мать вашу! Пошли людей в ставку, передвижные укрепления сюда сносить...

Затем пришпорил Родена, выскочил к лагерю и увидел, как к нам стройными рядами выдвигаются лучники. А впереди них спокойно едет Жорж де Розюмбо.

– Жорж, вы же были в Вомаркюсе?!

– Был, Жан. Мы отразили все приступы и просочились назад еще утром. – Командир лейб-гвардии устало протер лицо грязным платком. – Надеюсь, вам не надо объяснять, что нам предстоит?

– Сколько вы привели людей? – ответил я вопросом на вопрос и почувствовал пробежавший по спине холодок.

– Эскадра камергеров Отеля и сотня лучников тела. Возможно, еще присоединятся отступающие стрелки сэра Джона. Он как раз пытается их собрать.

– А государь?

– Он отступил к Грансону с личной свитой и охраной. Наша задача – задержать неприятеля в случае преследования герцога. Давайте подумаем о диспозиции... хотя какая тут, к дьяволу, диспозиция?..

– О чем это вы, Луи? Даже умирать стоит по стройной, заранее составленной диспозиции. О! Смотрите, Миддлетон сюда гонит свой сброд, как баранов. Скоро и ломбардцы появятся. Прикажите камергерам ловить беглецов, а мы пока прогуляемся в сторонку. – Я увлек за собой командира лейб-гвардии...

Ну а что: помирать – так с музыкой. Да и вообще, может, конфедераты никого преследовать не будут – и на оружейных позициях хватает добра: грабь не хочу. А мы постоим немного да и уйдем с честью. Никто же не заставляет нарываться. Приказ прикрывать в случае преследования – он такой... почти формальный.

Глава 7

М-да, таким разношерстным отрядом я еще не командовал. Почему я? Да потому что присутствующие Миддлетон и Розюмбо практически самоустранились. Встали в строй и собираются героически сгинуть во славу Бургундии. Джон так и сказал: помру как солдат, дабы позору не иметь. А Жорж так и вообще молчит. Взял пику – и молчит.

А мне командовать... да и ладно. Потрепыхаемся еще; правда, думается мне – совсем недолго. Это если швисы все-таки решатся на преследование. Пока они задержались на позициях нашей... тьфу ты, уже не нашей артиллерии. Просто охренеть! Почти сотню орудий – считай все, что было у бургундов, трофеями взяли. Представляю, какими поносными словами историки будут Карла хаять...

Конфузия, однако. Хотя тут дело в простой несогласованности. Пехота приняла маневр жандармов за отступление и ринулась бежать. Все просто до безобразия.

Млять... отдувайся теперь за них. Интересно, даст мне Карл посмертно орден? Очень уж мне хочется Золотое Руно получить. Благо его кавалеров с каждым днем становится меньше. Вот и сегодня как минимум парочка сгинула. Дракон Золотого Руна! Звучит, ёптыть! Хотя это я ерничаю. Не светит он мне ни в коем разе. Дают не за доблесть, а по совокупности. В которой статусное положение – едва ли не на первом месте. А я в публичности обычный серенький барончик. Хотя и небесталаный...

– Они выдвинулись, монсьор, – грустно подсказал мне Логан и без команды помчался к своим арбалетчикам.

– Вижу, братец, вижу... – Я приложился к подзорной трубе, а потом решительно спрятал ее в седельную сумку. – Иост, Клаус, ко мне!

– Монсьор?

– Берите Родена и валите вон на ту горку. Ждете результата. Если поймете, что того... Словом, Иост знает, что делать. И сразу говорю: увижу, что вернулись в строй – убью...

– За что, монсьор, позорите нас?.. – вдруг зашипел со злостью Клаус. – Да вы... да мы... да они...

– Это прямое оскорбление, ваша милость, – спокойно и решительно поддержал его Иост. – В случае вашего повторного подобного приказа мы будем вынуждены сложить с себя пажеские обязанности.

– Да я вас!..

– Ждем приказа, ваша милость... – Иост упрямо закусил губу.

– Марш в строй, щенки!.. – Я сначала хотел разораться, но просто не смог. – Взяли арбалеты – и если хоть один болт мимо пролетит, не видать вам сана эскудеро, как своих ушей. Что застыли? Бегом...

– Монсьор! – в один голос восхищенно воскликнули пацаны и, торопливо клюнув меня в руку, умчались на позицию.

Что? Взрослые они уже. Да и правда, зачем позор на парней наводить. Их не поймут... в первую очередь они сами себя не поймут. А это похуже будет.

Подхватил фламберг и пошел к строю. Ну-кася, какая она на вкус, кровушка-то швейцарская?..

Две баталии конфедератов остались на месте, к нам приближалась всего одна, передовой форхут – примерно в пару тысяч голов. Ровно идут, сволочи. Песню горланят...

А у нас? Моих в общей сложности полторы сотни... чуток побольше – отсутствуют негрылы, они в полном составе охраняют герцога; сотня лучников тела, пять десятков камергеров – разных там хлебодаров и виночерпиев. Джон еще сотню своих стрелков сумел организовать, да еще с полторы сотни пикинеров ломбардских прибилося во главе с моим старым

знакомцем лейтенантом Винченцо Гримальди. Как всегда, в изрядном подпитии. А, ну да... три десятка швабских кулевринеров еще в наличии. Да, и такие в бургундской армии были... Ключевое слово – «были»...

– Жанно! – радостно рявкнул Винченцо, по обычаю прихлебывая из фляги. – Когда уже нас к чертям собачьим убьют?

– Очень скоро, Винченцо. Немного осталось... – Я не глядя отмахнулся от ломбардца и побежал к канонирам.

Потом к арбалетчикам и лучникам, затем к мосарабам и кулевринерам. Пикинеры, камергеры... Вроде все... Теперь можно и в строй.

– Подвиньтесь, сэр Джон, – я шутливо толкнул англичанина, – хочу разделить с вами частичку славы.

– Не возражаю, – угрюмо буркнул Миддлетон. – Странно... Жорж мне те же слова сказал...

Солдаты изумленно обернулись на наш дружный хохот. А что? Ей-богу, как гора с плеч свалилась. Даже настроение поднялось...

Итак? Я себя гениальным полководцем не считаю... Хотя... вот выживу сегодня, тогда разберемся с этим. А вдруг? Мне кажется, я разгадал секрет непобедимости конфедератов. Или просто с ума уже схожу?

В форхуте наконец нас разглядели. Взревели трубы, первые ряды ошетинились пиками, баталия перешла на легкую трусцу, а потом неожиданно стала замедляться и пытаться перестроиться. Ну да... справа начался крутой горный склон, а слева – лес. В обход не пойдешь, да и, как мне кажется, на мелкие отряды они делиться не будут, просто воевать вне строя швисы не умеют. А впереди у нас три ряда рогаток и целый частокол из кольев. А на флангах – серпентины...

– Не стрелять!!! – заорал я, надсаживая голос. – Ждать команды!

Приказ живо подхватили сержанты и разнесли по строю. Нависла угрюмая тишина...

Форхут швейцарцев разделился на три отряда, которые выстроились один за другим. Заныли трубы, раздался рев сотен глоток – и швисы бегом ринулись вперед.

Окончание моей команды открыть огонь потерялось в грохоте серпентин. По направлению к конфедератам протянулись длинные огненные языки, все заволокло едким дымом. Не успел он рассеяться, как гроыхнуло опять. Затрещали аркебузы и кулеврины...

Порыв ветра открыл страшную картину: все перед нами было завалено изорванными и изувеченными телами, а прямо по ним, оскальзываясь на кусках мяса, перли яростно вопящие бородатые швейцарцы с алебардами наперевес. По ним прошлись темноватым облачком стрелы и арбалетные болты. И еще... еще раз...

– Что ж ты, мэтр, мать твою!.. – заорал я и начал лихорадочный отсчет... Пять, шесть... накатили назад на позицию и пробанили стволы;... десять... пятнадцать... закинули картузы с порохом, наложили пыжи и забили;... двадцать... двадцать пять... в дуло влетели колбасы из мешковины, начиненные картечью... бомбардиры поднесли к затравочным отверстиям огонь... Млять!

Мосарабы успели перезарядиться раньше. Грохнул дружный залп, его поддержали арбалеты с луками, а только потом разродились серпентины.

Все! Теперь без них, будут долго охлаждать стволы водой с уксусом...

На рогатки, заваленные трупами, уже никто не лез. Несколько групп, на ходу импровизируя, пытались нас обойти, но, потеряв до десятка человек под болтами и стрелами, отошли назад, к основной баталии.

И все? Я почувствовал, как под доспехом ручейками стекает пот. Черт... уже в сабатах хлопает. Я случайно не... это?.. Да вроде нет...

– Жан... смотри... – толкнул меня локтем Миддлетон.

Я посмотрел и не поверил своим глазам. От конфедератов шел к нам какой-то мужик в архаичном хауберке, а рядом с ним юнец в зеленом берете с петушиным пером и такого же цвета шоссак махал пикой с привязанной белой тряпкой.

– Мириться хотят? Да не может быть!

– Жан! Ты смотри, каков! – Миддлетон восхищенно заорал и на этот раз показал в тыл.

Я, ожидая очередную пакость, с замиранием сердца оглянулся и... с чувством облегчения выругался!

К нам подходил крупный разношерстный отряд солдат, во главе которого красовался с гордо поднятой головой совсем юный лейтенант. Тот самый, десятый сын какого-то там графа. Не, ну стервец!!! Где он их столько набрал?!

Солдатики под ор десятников сразу стали вливаться в строй, а лейтенант, грюкнув латной перчаткой по кирасе, доложил:

– Осмелюсь доложить, господа. Со мной три сотни...

Тут он запнулся и совсем по детски покраснел.

– Эдвин! Принимайте командование над отрядом прикрытия наших орудийных позиций... – Я оглянулся на Миддлетона и де Розюмбо и, увидев, как они одобрителем закивали головами, продолжил: – Лейтенант ван Брескенс введет вас в курс нашей диспозиции. И еще... Вы молодец, Эдвин Бошан! Буду иметь честь рекомендовать вашу храбрость нашему государю. Ну что стал?! Бегом, бегом!

Так, уже легче, но все еще хреново. Даже полный песец. Ну что же, посмотрим, чего от нас хотят долбаные конфедераты.

В сопровождении Клауса с салфеткой на пике выступил навстречу швейцарским парламентам.

– Гауптман Ганс Вальдманн... – с кривой ухмылкой представился швис.

– Кондюкто лейб-гвардии его светлости Карла Бургундского барон ван Гуттен... – представился в свою очередь и нагло уставился в глаза швейцарцу. – Насколько я понял, гауптман, вы хотите сдаться?

– После переговоров я оттяпаю тебе башку, барон! – с возмущением рявкнул гауптман и потянулся к топору.

– Поединок? Без вопросов. Я выдеру кольцо из твоего носа, бычок... – Я со смехом ткнул на изображение быка на котте швейцарца. – Прямо сейчас и здесь же!

– Да как ты смеешь!.. – заревел конфедерат и чуть не двинул кулачищем своего пажа, осторожно попытавшегося обратить на себя внимание. – Что? А... ну да...

Гауптман несколько раз шумно вздохнул и, едва сдерживая гнев, снова обратился ко мне:

– Тут эта... словом, мы готовы отпустить вас к чертям собачьим. С оружием и знаменами... Иначе передадим как щенят.

– И что же мы вам за эту милость должны будем?

– Вот это! – Гауптман ткнул рукой куда-то мне за спину.

– Что? – Я сразу не понял, что хочет дикий швис. – Это? Ну не-эт...

До меня наконец дошло, чего хочет конфедерат. За нами, над леском, возвышался золотой шпиль шатра Карла Бургундского. Естественно, уже пустой... герцог со свитой рыцарственно смылся оттуда.

– Почему нет? – Кантонец недоуменно выпятил глаза. – Вашего господина там уже давно нет. Отдавайте – и валите. А на съезде кантонов меня за этот трофей включают в песнь славы...

И немного сконфузился, поняв, что выдал лишнее.

– Я даже не знаю... – изобразил я мучительные сомнения. – А подумать можно?

– Недолго! И не забывай, барон, что у нас с тобой поединок...

Итак... еле сдерживаю себя, чтобы не пуститься в пляс. Да на хрен мне этот шатер сдался? С удовольствием сменяю его на свою драгоценную жизнь... М-да... Но это я. Остальным капи-

танам предмет сговора являть нельзя ни в коем случае. Упрутся рогом: типа потеряют с шатром свою честь. С этими рыцарственными придурками надо держать ухо востро...

– Гауптман... давай так. Только солнце коснется вот этой вершины, мы снимемся и уйдем. Забирай шатер и все то, что там найдешь. Идет?

– Идет... – явно обрадовался бородач. – Я как раз пока разомнусь с тобой немного. Гы-гы-гы...

– Не спеши. Давай сюда своих выборных... как их там... старейшин... старцев... aksakalow...

– На хрена? – искренне удивился швейцарец. – Э-э-э... не доверяешь моим словам?

– Кому? Тебе? Конечно нет! Давай, форвертс, шнеллер, а я пока своих приведу. И это, драться я буду с тобой на... да все равно, но я с цвайхандером...

Вот так, с ними надо говорить на понятном им языке. В задницу куртуазию...

– Ну что, Жан? – Жорж и Джон с опаской уставились на меня. – Что они хотят?

– Договорился. Мы беспрепятственно уйдем. Через пару часов.

– А не будет ли в этом урону нашей чести? – с сомнением покрутил головой де Розюмбо. – А может?..

– Рано помирать. И урону чести не будет... А пока пошли, посмотрите, как я этому быку рога пошибаю...

Кантонцы оказались не столь уж дикими. Во всяком случае, условия поединка выборные делегаты обсуждали достаточно учтиво и профессионально. Моими секундантами, как вы уже догадались, выступили оба капитана. Хотя про секундантов – это моя отсебятина: нет такого термина пока.

Я нешуточно просил Бога, чтобы еще и они не влезли в свару. И так договор похож на полную авантюру: пока не окажусь возле Грансона, не поверю, что нас выпустили. Так что не стоит горцев излишне будоражить. Уже кажется, что под их взглядами латы сейчас расплавятся.

Ганс оказался дворянином, причем даже рыцарем из Цюрихского кантона. Хотя мне все равно.

– Готовы? – рыкнул седой кряжистый старик с медведем на вапшенроке.

– Вы готовы, господа? – повторил его вопрос Жорж, но более благодушным тоном.

И, увидев наши кивки, дуэтом подали команду:

– Начали!

Я, на уровне груди придерживая фламберг за рукоять и рикассо и направляя его острие на швиса, стал немного отступать назад и в сторону, выманивая горца на атаку. Ожидаемо он вооружился алебардой, но не строевой – с древком под три метра, а обычной пехотной. Давай, родной, сделай выпад...

– Х-хах!.. – Горец резко выдохнул и выбросил свою дуру вперед по нижнему уровню, затем убрал ее под руку и, резко сорвав дистанцию, сделал выпад уже в голову.

Очень хорошо, я и не ожидал, что ты своей палкой как топором махать будешь...

Забрало на саладе я опускать не стал, поэтому с обзором проблем нет. Ушел в сторону и контратаковал – тоже колющими выпадами. Лицо-грудь-пах-смещение и режущий по рукам...

И тут же чуть не оказался на земле. Клятый горец зацепил меня крюком за наплечник и с силой дернул на себя. А когда крюк сорвался, продолжая движение алебарды, ударил древком по ноге...

Ах ты, с-сука!!! Едва успел подставить клинок, смягчая удар, и со всей дури двинул швиса яблоком рукояти, в скулу. А когда он, пошатнувшись, сделал шаг назад, переступил и собрался косым ударом снизу поставить точку в этой возне...

Но ушибленная нога подвернулась, и я повис на гауптмане, увлекая его на землю. Грохнулся сверху и уже толком ничего не соображая, в разрез выставленных рук, двинул его пару раз по морде. Со всей дури! Всем корпусом! С локтя, вбив наносник в горбатый шнобель! И, уже разглядев закатывающиеся зрачки у конфедерата, потянулся за мизерикордом. Ф-фух... это тебе не на рапирах элегантно пыряться...

– Признаешь ли ты себя побежденным, Ганс Вальдманн? – Граненое жало накололо горцу кожу под глазом.

Угрожающий ропот со стороны швейцарцев...

– Да пошел ты!!! – прохрипел гауптман и попытался плюнуть расквашенными губами.

– Ты свободен! – Я убрал клинок и, пошатываясь, встал.

Чуть не заорал от дикой боли в колене, но справился. Сука... еще не хватало... Гасконцы не хнычут перед врагами. Млять... гасконец гребаный... Коротко поклонился горцу, затем повернулся к выборным конфедератам и повторил поклон.

– Я признаю твою доблесть и рыцарственность, гауптман Ганс Вальдманн, и не буду требовать признать поражение. Я признаю вашу храбрость и воинское умение, гордые дети лесов, гор и равнин. Вы сегодня победили заслуженно, и я не хочу и не буду омрачать вашу радость. Говорю, призывая в свидетели искренности своих намерений Пречистую Деву Марию, мать Господа нашего!

Возмущенный и зловещий ропот сменился гробовым молчанием.

Подошел к швейцарцу и протянул ему руку...

– Святой Бонифаций! Этот бургунд все понимает! Он достойный воин! – громко воскликнул один из выборных. – Ганс, протяни ему руку!

Швейцарцы разразились одобрителем гулом.

– Давай, капитан!..

– Окажи ему честь!..

– Он достоин!..

Гауптман секунду промедлил и с моей помощью встал. Посмотрел мне в лицо и, запинаясь, сказал:

– По нашему обычаю... по обычаю... мы должны соединить свою кровь...

– Я не буду противиться...

Чуть не забили же, горные медведи, обступив и хлопая по плечам! Сука, ну куда столько чеснока жрать? Воняет же! Спасибо, что еще никто не курит. Появилась бронзовая чашка с вином, куда мы уронили по паре капель крови.

– Я разделяю эту чашу со своим братом! – прошепелявил Вальдманн. – Отныне и вовек, мой дом – твой дом. Моя семья – твоя семья... мое... твое...

Ага... пару зубов я тебе вынес, лесной чертяка...

Оборванец в тирольской шляпе и рваной кольчуге подсказал мне:

– Говори то же самое. Потом выпьете вино и поцелуетесь.

Да понятно...

– ...братом... мой дом... моя семья...

Рев и оглушающие удары по плечам. Зараза, как же нога болит! Мля, уже представляю, что расскажут Карлу про этот цирк...

И все-таки они нас выпустили...

Глава 8

– Жан... – Миддлетон не выглядел смущенным, но тем не менее запнулся. – Я... я понимаю, что вы всех нас спасли, но не понимаю: как?

– Держи... – Я передал ему кожаную флягу с добрым бургундским. – Ты на фигляров любишь поглазеть?

– Смотря на каких, – недоуменно пожал плечами англ и присосался к фляге. – А при чем здесь это?

– Что тут непонятного?! – скривился де Розюмбо и отобрал у него вино. – Как ты думаешь, почему народ на площадях и рынках просто обожает скверных фигляров? Ну... не совсем скверных, а, скажем так... неизысканных, грубых.

– Чернь, – коротко высказался Джон. – Что с них возьмешь?

Жорж с видом превосходства ухмыльнулся и, добив флягу, не глядя откинул ее пажу. Получив взамен точно такую, но полную, отпил добрую толику и пояснил:

– Эти фигляры говорят на понятном народу языке. Они сами – народ. Плоть от плоти его. Поэтому и пользуются успехом.

– Но, черт возьми, при чем здесь это? – начал свирепеть буйный бритт. – Святой Варфоломей! Я требую, Жорж, ваших объяснений.

– Джон, как вы не можете понять? Жан сыграл представление для козопасов. Сыграл изумительно и на понятном им языке. Уподобился, так сказать, что само по себе свидетельствует об уме. Барон, сразу вам говорю – я просто восхищаюсь вами. Это же надо: так рассчитывать поединок, чтобы свести его к такому пафосному примирению! Я лично думал, что вы его на куски порубите. Видал вас в деле, так сказать.

Я скромно промолчал. Не будешь же прояснять, что оно само так вышло. Силен горец оказался, реально силен.

– Но это же. Это же!.. – изумленно воскликнул бритт. – Это же можно приравнять к потере...

– Лучше закусите, сэр Джон... – Я сунул ему в рот кусок ветчины. – Это можно приравнять к военной хитрости. А если вы сейчас о потере чести, то хорошенько подумайте, прежде чем сказать. Потому что сказанного можно уже и не воротить. Вы мне друг, но!.. В общем, вы поняли...

– А-а-а?! Военная хитрость! Сразу бы и сказали!.. – быстро согласился бритт. – Я все понял. Мы их обвели вокруг пальца! Ну да...

– Не мы, а Жан... – поправил его Жорж. – И вообще...

Теперь на привале мы. Возвратиться решили поутру, так, чтобы ни одна тварь в лагере не сказала, что мы не выполнили приказ. Солдатики пропитание себе организовали, благо некоторый провиант мы из лагеря успели захватить, а лично мы пока бухаем: так сказать, разминаемся перед основным блюдом. Я, Миддлетон, де Розюмбо, Гримальди и Логан с Бошаном.

Ночь, сосны, похожие на сказочных великанов, искры от костра взмываются в черное небо, усыпанное бриллиантовыми россыпями звезд, рядом на вертеле жарится с десяток курочек, ну и заедки разные с вином лежат на попоне. Про воздух, подобный целительному бальзаму, я уже не говорю. И мы – живые и невредимые. Ну что сказать? Парадиз, однако. Особенно на фоне того, что еще несколько часов назад нам было уготовлено судьбой лежать на поле боя порубленными и раздетыми хладными трупами. Вот на этом контрасте такое воодушевление посетило, что мы вот-вот выдуем месячный запас вина. Но, честно говоря, мне немного мешает опухшее до размеров слоновьего колена. Долбаный швис! Но это все ерунда.

– Государь будет вам признателен, Жан, – заметил де Розюмбо. – Вашими... ну и немножко нашими действиями позорное поражение сглажено. Я уже сочинил приличествующий рапорт. Хотите послушать?

– А кое-кому сей успех Жана – как цепом по шарам... – вдруг невпопад брякнул Джон.

– Жорж, я с удовольствием послушаю ваш рапорт, но чуть позже. Сэр Джон, это кому не по нраву мой успех? С указанием имен и титулов, пожалуйста...

– А вы еще не догадались, барон?

– Нет. А должен был?

– Странно, ломбардский след в покушении на вас ясно дает понять. А если учесть еще некоторые мелочи и мои последние наблюдения, то...

После этого разговора мне как глаза протерли. Вот же черт!!! Хотя... хотя пока толком ничего не ясно. Но есть след! Конкретный жирнющий след! Вот от него и будем плясать. А пока... пока радуемся жизни. В доступных для нас пределах, конечно.

– Эй, кто там!.. Нам подадут, в конце концов, пожарь?! Иост, Клаус, да напинайте вы, в конце концов, повару! Жорж, в самый раз обсудить рапорт государю...

Ночь прошла спокойно, а рано утром мы выступили. А еще через пару часов встретили крупный отряд бургундских жандармов. Карл отправил их прояснить нашу судьбу, а заодно обязал отлавливать по пути сбежавших солдатиков.

У Шарля де Вомберга, командира жандармов, чуть глаза на лоб не вылезли, когда он увидел организованную колонну при знаменах и нас во главе ее – уже записанных в боевые потери и чуть ли не отпетых заочно.

Честно скажу, свое прибытие мы с вечера немного срежиссировали. Для пушного эффекта...

Отряд выстроили на плацу перед ставкой. Ну... сами понимаете, явились герои, покрывшие себя славой... и прочее. Опять же сохраненные знамена, орудия и бравый вид солдатиков наглядно об этом свидетельствуют. А сами отправились к герцогу.

Дежурный офицер вошел для рапорта, а мы, наведя на себя жутко героический вид, остались в коридоре. Я, к примеру, даже не стал смывать с вечера кровь на лице и доспехах. Смотрюсь, наверное, жутко убойно. Прямо на секунду оторвался от истребления врага, доложусь – и опять резать супостата. И не надо смеяться, внешние эффекты являются неотъемлемыми составляющими успеха. Время такое... фанфаронское...

Тонкая перегородка позволяла отчетливо слышать происходившее в зале совещаний...

– Кто?.. – изумленный голос Карла. – Срочно сюда!

– Сир... – Де Розюмбо, формально старший среди нас по чину, начал доклад. – Согласно вашему приказанию, проход де Люп был удержан до необходимого времени, неприятель понес урон и значительную конфузию. Наши потери минимальны. Помимо этого, приведена в подчинение определенная часть отступающих войск и организована для выполнения боевой задачи...

Я не слушал Жоржа, для меня он ничего нового не скажет. Реакция Карла тоже в некоторой степени предсказуема. Я смотрел в глаза...

Карл прервал капитана и бросил холодный взгляд на графа Кампобассо:

– Граф, как нам понимать ваше заявление о том, что вами получены сведения о сдаче в плен этих господ? Потрудитесь объяснить.

– Сир... – Ломбардец склонился в низком поклоне. – Я был уверен в невозможности подобного – рыцарственность и доблесть сих господ известна, но все же обязан доводить до вас все сведения без исключения...

– Извольте в дальнейшем проверять подобного рода сведения, ибо вы можете ввести в заблуждение... – сухо посоветовал графу герцог. – Приказываю вам предоставить господину Морье этих лазутчиков. Немедля!

Ломбардец опять поклонился и, одарив меня взглядом, полным тщательно скрываемой ненависти, вышел.

Вот так... сомнений у меня уже нет. Все сложилось в крепкую цепочку. Порву суку...

– Господа! Я никогда не сомневался в вашей доблести! Но продолжайте, продолжайте! Нет! Я хочу услышать каждого. До вечера все прибывшие свободны, а вас, господа, прошу ко мне в кабинет... Распорядитесь о завтраке, – бросил камергеру...

Что сказать?.. Триумф, однако... Карл заставил несколько раз повторить рассказ о нашем героическом сидении в обороне. Поединок с швейцарским гауптманом вообще привел его в буйный восторг. Он, как ни странно, мою байку о военной хитрости воспринял очень благожелательно. На вечер, а верней – на ночь пригласил на ужин и назначил раздачу плюшек. А еще он выразил намерение посвятить Логана и английского лейтенантика в рыцари. Но это такое дело... как говорится, обещанного три года ждут. В свое время меня он тоже обещал женить на датской гревинде, то бишь графине. Но забыл. Только вот в этом случае его забывчивость как нельзя кстати.

Ладно, Карл, отпуская меня в шатер... Спать хочу, да и компресс надо приложить к ноге. Сколько можно разглагольствовать?..

Оказавшись в расположении, я сразу залез в бочку и отмокал пару часов, а только затем рухнул в походную койку. Но поспать как следует не получилось. Ужин у герцога и раздача слонов. И Логан приперся, весь такой воодушевленный. Но лохматый, как пудель...

– Расчешись, я сказал... – Я осторожно прошелся и с радостью убедился, что боль в ноге немного поутихла. – Возьми мой гребень, если своего нет, и расчешись. Чай к государю приглашен...

– Монсьор... – Тук осторожно оттер меня от зеркала и пригладил свои космы пятерней. – Вот прямо так и сказал государь?

– Да, прямо так и сказал. Грит, посвящу шалопаю, грязнулю, скупца и развратника юнкера ван Брескенса в рыцарственное звание, согласно перечисленным бароном ван Гуттенем соответствующим заслугам.

– Да какие там заслуги... – На лице Логана застыл благоговейный восторг.

– Вот и я так думал, но потом все-таки решил сделать тебе протекцию. Иост, давай перевязи...

– Монсьор! – торжественно заявил Скотт. – Моя жизнь – ваша по праву. А когда?

– Что «когда»? – Я взял в руки перевязь для эспады из красной, тисненной серебром кожи, но потом отложил и выбрал черную. – Что значит «когда», спрашиваю?

– Когда посвятят, значица?..

– Вопрос сложный. Как будет угодно государю. Думаю, при приличествующем случае. Праздник какой церковный будет али перед битвой. Может, после очередной виктории. Или перед. Если, конечно, сия виктория осуществится...

– Кх-х... – Скотт немного приуныл. – А он, эта...

– Нет.

– Точно?

– Не знаю, хватит ныть.

– Да я не ною, монсьор. Но...

– Все, выметаемся, опаздывать – нехорошо...

– Вот бы нам тоже очень хотелось, чтобы дамуазо Уильяма посвятили поскорей... – высказался Клаус, набрасывая на меня плащ.

– Чего это?

– Ну... достоин он... – пояснил Иост с легкой заминкой.

– Ага, понятно. В эскудеро мылитесь? А вот это будет, когда я решу. Государь над сим моментом не властен. – И, видя уныние пацанов, прикрикнул для пущего ужаса: – Если увижу хоть одно пятнышко на доспехе – вечно у меня в пажах останетесь. Раздолбаи!

А потом улыбнулся, подмигнул мальчишкам и вышел из шатра. Хорошие все-таки пацаны, но сана эскудеро им в ближайшее время не видать. Жирно будет. Как по мне – то и Туку рановато в рыцари. Вон у Карла командиры рот еще в эскудеро или, как здесь говорят, эскюэ ходят. Что? Да, я такой. Суровый, но справедливый.

Как охарактеризовать ужин у Карла? Еда и вино как всегда великолепны, но по сути он превратился в очередной военный совет. Карл даже снизошел до нашего мнения о сложившейся ситуации и причинах конфузии. Был бодр, энергичен и полон решимости восстановить статус-кво. Что означает – война будет вестись до победного конца. Ну что же, мне – как тем татарам из поговорки...

При раздаче плюшек я получил очередной – уже третий по счету – томик уставов. А еще герцог своей милостью даровал мне на личный герб изображение каменной глыбы с девизом: «Уподоблен твердостью». Только куда ее там притулить? И так места нет. Надеюсь, специалисты по геральдике найдут куда. Черт, опять расходы – новые коттдарме, штандарт и прочее... Зараза, лучше бы денег дал или какой доспех авантажный. Мой боевой опять придется в ремонт отдавать: словил-таки болт в нагрудник. Да и клятый гауптман его своей дурой поцарапал.

И еще, я теперь баннерет. Если судить по букве статута, я не подхожу под этот сан, но отказываться не принято. Баннерет так баннерет. Пока только формально, но завтра поутру Карл собственноручно срежет с моего знамени зубцы, после чего оно превратится в баннеру, что и будет ознаменовывать полное вступление в сан. А вот денег не дал. Зато озаботил поручением, которое в некоторой степени само по себе можно считать наградой и величайшим доверием к моей персоне. И я рад его исполнить. По многим причинам. Одна из них такова: следует как можно быстрее покинуть расположение войск. Клятый ломбардец не успокоится, пока окончательно не сживет меня со свету. Причем любыми доступными способами. Так мне кажется. Прямых доказательств его злоумышленных намерений нет – с легкостью отбрешется, сволочь, поэтому бодаться в открытую не получится. Значит, надо держаться подальше, выиграть время и ждать подходящего случая воздать макароннику по заслугам. Тоже любыми доступными способами. Плевал я на рыцарственность и благородство. Появится возможность – отравлю собаку. Хотя нет, это слишком...

Антуан, великий бастард Бургундии, с которым я успел перекинуться словечком во время ужина, пообещал тактично и тайно выяснить причины, побудившие ломбардца на подобное, и посоветовал ни в коем случае не доводить до герцога сложившуюся ситуацию. Граф, несмотря на показное недовольство государя, все же в определенном фаворе. Он командует наемными ломбардцами, которых в случае опалы и какого-либо другого ущерба своей персоне может просто увести. А солдаты для Карла сейчас – всё. Так что жаловаться без козырей в кармане определенно бесполезно.

Ну а после исполнения поручения – в отпуск. Благо по пути. Если, конечно, опять что-то не случится.

А вот про обещание посвятить Логана в рыцари Карл ожидаемо забыл. Или действительно собирается приурочить обряд к какому-нибудь знаменательному событию. Но ничего, настроение Туку я поднял, пообещав в случае полной забывчивости герцога ввести его в сан собственноручно. Имею на то право. Если тоже не забуду. Ха. Я же говорю – рано Логану. Он мне в качестве эскудеро больше пригоден.

Глава 9

– Вам, барон ван Гуттен, мы поручаем немедленно отбыть в Гент, где и приступить к формированию роты по указанным нами штатам... – Карл положил на стол запечатанный свиток. – Сим дано указание должностным лицам Отеля всячески вам в том способствовать. А также с сего дня рота будет именоваться ротой имени Святого Иеремии. Отдельное подразделение стрелков и спитцеров тела также остается под вашим командованием.

В зале пронесся легкий гул. Дворяне, присутствующие на Большом совете, вскочили и разразились одобрительными выкриками, а некоторые даже стали рукоплескать. Тьфу, лизоблюды...

Я встал, поклонился герцогу и коротко сказал:

– Сир, я оправдаю ваше доверие.

Право дело, большего сказать не могу. А если и смогу, то за подобные слова можно и в опалу с лишением чести отправиться. Какого хрена, мать вашу, ваша светлость? Куда, на хрен, мне отправляться? Вчера, в приватной беседе, речь шла совсем не о том. В Гент с моей ротой должен был отправиться Тук, где и заняться наймом, а затем обучением всяких нетитулованных и титулованных дворянчиков, не желающих прозябать в своих чахлах вотчинах и способных к военной карьере. А попутно людишек и вовсе не дворянского чину, под их начало. Что за нахрен? Совсем Карлуша памяти лишился?

Карл важно мне кивнул и торжественно сказал:

– Мы знаем о том, барон ван Гуттен. Предписываем отправиться немедленно...

Вдруг откуда-то снизу раздался скрипучий пронзительный голос:

– Это ты правильно сказал, дружок. Поторопи его, поторопи... а то он медленный очень – опять же, с поля боя последним сбежал. Хотя да... за твоими вояками разве успеешь?

– Заткнитесь, монсеньор: не видите, мы государственными делами занимаемся? – Карл легкой улыбкой встретил появившегося из-под громадного стола с расстеленной на нем картой шуплого, остроносого и лопухого человечка в бело-синей помятой ливрее.

– Да ладно тебе, дружок... – Человечек изобразил шутовской поклон и повалил сразу две древних китайских вазы. – Одобряю, дружок, одобряю. А то какой баннерет без баннеры? Так, одно название... Хотя у тебя все такие. Я про пустое место. Но какого дьявола ты его отправляешь в Гент?

– А куда мне его отправлять, Монсеньор? – изобразил внимание Карл.

– Куда? – Человечек выудил шутовской колпак с золотыми колокольчиками и, отряхнув его от соломы, напялил набекрень на голову. – Мог бы и догадаться. Назад, к твоим друзьям-швисам. Там на поле столько осталось лежать, что он не на одну баннеру наберет. А с козопасами барон договорится. В крайнем случае опять по башке получит али по чему еще, так то и не страшно...

Забавная картинка. Стороннему наблюдателю может показаться, что этого тщедушного человечка сейчас посадят на кол, попутно заживо изжарив и четвертовав. Но нет. Пред вами, собственной персоной, любимый шут герцога: Ле Гранье по прозвищу Монсеньор. Ему и не такое с рук сходит. Хотя и поговаривают, что Карл его нешуточно поколачивает. Но я не верю. От бессилия наговаривают. Ле Гранье – великого ума человек. Ума неимоверно ехидного и насмешливого. Порой с ним сам себя дураком чувствуешь, при всей очевидности обратного. Придворные от его гадких шуточек волком воют, а сделать ничего не могут. Обижаться на шута есть великий моветон. Чем эта скотина и пользуется. И меня, сволочь, не обходит...

Герцог слегка нахмурился:

– Знаешь что, Монсеньор? Мне пришла в голову одна великолепная мысль. Барон, я разрешаю вам его вздуть. Право дело, у меня рука не поднимается. Будьте добры, исполните за меня эту процедуру.

– С великим удовольствием, сир. Я сейчас прикажу стрелкам утащить его ко мне в шатер. Или проследуете сами, Монсеньор? – Я изобразил приглашающий жест перед шутом.

– Ладно, ладно... – Шут гордо потряс кулачком. – Кто кого еще вздует...

А потом неожиданно юркнул под стол, проскочил под ним и сбежал из зала.

– Вот же каналья! – Герцог весело рассмеялся. – Ну и пусть его. Так о чем я? Ну да... барон, вы можете отправляться. Я уже дал казначею соответствующие указания. И помните, мы надеемся на вас.

Да иду уже, иду...

– Вот что за хрень? – Я в сердцах выругался, тронув Родена с места. – Совсем ни хрена не понимаю...

Гент? А поручение Антуана? А мои личные дела? А отпуск? Вместо этого – совершеннейшей хренью заниматься. А Тук на что? Я же ничего не успею! Твою же кобылу в дышло! Соседку в задний привод! Тысяча чертей! Ад и преисподняя! Мля, сейчас зарублю кого-нибудь! На хрена мне это баннеретство?!

Всю дорогу до расположения матерился. Потом образцово-показательно всыпал личному составу. Развели бардак, понимаешь... Ворвался в шатер и уже совсем собрался наорать на первого подвернувшегося под руку пажа, как заметил в своем кресле шута.

– Вина прикажите подать, барон, – совершенно серьезно заявил Ле Гранье, – а потом удалите всех и потрудитесь выставить возле шатра караул.

– И как это понимать?

– Как есть, так и понимайте. Разговор нам предстоит довольно содержательный, хотя и недолгий...

Иост и Клаус по приказу мгновенно сервировали небольшой столик и стали лично на пост у входа в шатер.

– Итак? – Я разлил вино по кубкам и подал один шуту.

Ле Гранье внимательно посмотрел на меня и вдруг задал вопрос:

– Но почему вы разговариваете со мной столь серьезно? Я же дурак!

Шут вскочил и, несколько раз подпрыгнув на месте, совершил манерный поклон.

– А как мне разговаривать с ушами, глазами и языком государя? – ответил я вопросом на вопрос. – Так что действительно хватит валять дурака и перейдем к делу.

– Вы оправдываете мои ожидания, барон... – Ле Гранье серьезно кивнул и добавил: – Или виконт? Или даже граф?

– Не понимаю: о чем вы? – Я сделал вид, что не понял, на что намекает мой собеседник.

М-да... ох и непрост шут. Непрост, зараза. И информирован. Но если судить по одному колоритному персонажу папаши Дюма, то шуты такими и должны быть.

– Не понимаете – и не надо, – легко согласился шут, – это ваше личное дело, и государь вас в ваших желаниях по этому поводу всецело поддерживает. Теперь о деле. Ваше поручение не отменяется: вот письмо, которое предстоит передать посланнику Эдуарда Английского в Кале. Но и в Гент вы тоже отправитесь. Явите себя ко двору, пару деньков покрутитесь, да так, чтобы вас запомнили. Кстати, передадите вот это письмо госпоже Марии Бургундской от нашего государя. Далее ваш лейтенант займется формированием роты, а вы – к себе в баронию, откуда на своем корабле отправитесь уже выполнять поручение. Но при дворе будет озвучено, что вы уехали в Германию по поручению госпожи Марии.

– Для чего столь замысловатые финты?

– Обычные меры предосторожности. Вот от этого письма... – шут провел рукой по футляру, – возможно, очень многое зависит, и некоторые царственные особы тоже очень многое готовы отдать, чтобы узнать, что в нем.

– То есть вы допускаете, что сам факт наличия письма уже известен?

– Боюсь, да... – Шут скорбно кивнул. – Некоторые государи бывают порой очень беспечны. Но если я все правильно рассчитал, ваша поездка должна пройти без эксцессов. В качестве отвлекающего маневра сегодня отправляются еще два гонца, и их отбытие как раз не скрывается. Да, советую не мешкать с отъездом. Некоторые особы...

Ле Гранье неопределенно покачал кубком.

– Вы и об этом знаете, Монсеньор?

– Я знаю всё... Но ладно: с большим удовольствием задержался бы, но меня ждут государственные дела. – Шут тряхнул своим колпаком и рассмеялся. – Кстати, у вас отличные пажи. Не кажется ли вам, что они засиделись в своем статусе? Пора уже провести обряд опоясывания. А пажей найдете еще. Я с удовольствием составлю протекцию одному порядочному, но обделенному судьбой мальчику. И в ответ на вашу любезность попробую прояснить вопрос с вашим недругом.

– Рад буду выполнить вашу просьбу, – я учтиво склонил голову, – но сразу предупреждаю: у меня служба не сахар. Спуску не даю. И у меня будет ответная просьба.

– Это нормально. Главное, что вы по обычаю некоторых наших кондюкто не тащите своих пажей в постель. Что за просьба, барон?

– Напомните при случае государю, что он обещал посвятить в рыцарский сан лейтенанта ван Брескенса. И насчет постели... это про... я правильно вас понял?

– Да, это он... – рассмеялся шут. – Но полноте о греховном. Я пришлю сейчас парнишку. По поводу вашего эскюзэ не беспокойтесь. Государь о таких вещах не забывает. А вы не мешкайте: стройте роту и отправляйтесь. Главное, чтобы все видели – вы отбыли вместе со своими людьми. А сейчас – самая пора сыграть некую мизансцену.

Шут пронзительно запричитал и кубарем выкатился из шатра. Я вышел за ним и увидел, как Ле Гранье, прихрамывая на обе ноги и призывая на мою голову все кары господни, улепетывает со всех ног к ставке герцога.

М-да... теперь все будут считать, что я действительно отлупил шута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.